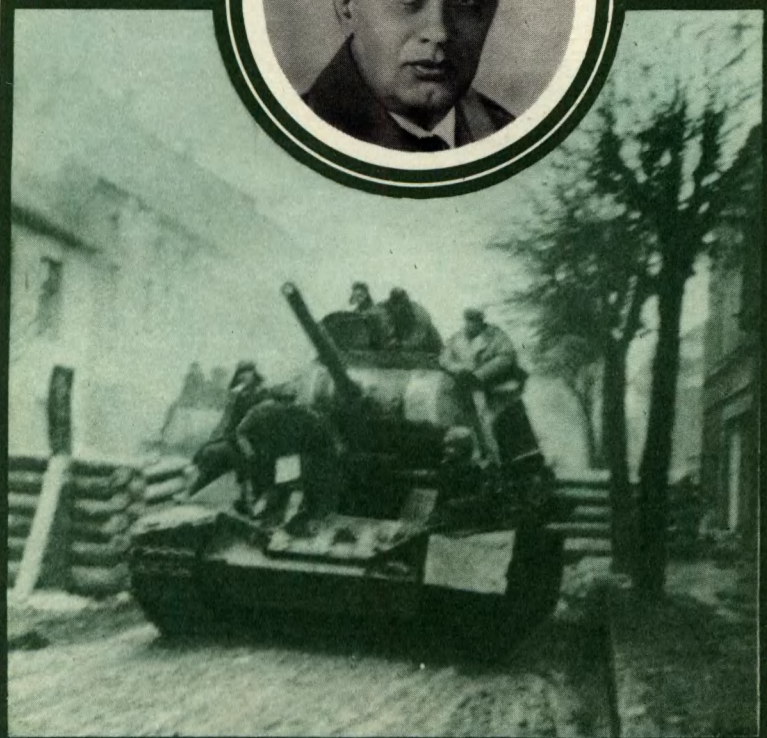

«...Наш талантливый
танковый военачальник
А. Х. Бабаджян».

Маршал
бронетанковых войск
М. Е. КАТУКОВ

ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ

Яков
САДОВСКИЙ

ТАКАЯ СЛУЖБА-
ПОБЕЖДАТЬ

ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ

Портрет Бабаджяна

Яков
САДОВСКИЙ

ТАКАЯ СЛУЖБА- ПОБЕЖДАТЬ

О Главном маршале
бронетанковых войск
А. Х. Бабаджаняне

Москва
Издательство
политической
литературы
1983

68.513
С14

Садовский Я. Г.

С14 Такая служба — побеждать: О Главном маршале бронетанковых войск А. Х. Бабаджаняне.— М.: Политиздат, 1983.— 128 с., ил.— (Герои Советской Родины).

Книга писателя Якова Садовского об одном из прославленных военачальников — Амазаспе Хачатуровиче Бабаджаняне, коммунисте, человеке необыкновенной личной храбрости, большого душевного обаяния. Многолетнее общение с героем книги позволило автору нарисовать портрет современного советского военного деятеля, аналитически изучавшего уроки Победы.

Книга рассчитана на массового читателя.

С $\frac{0505030202-320}{079(02)-83}$ 218—83

68.513
355.722

© ПОЛИТИЗДАТ, 1983 г.

ПЛОЩАДЬ МАРШАЛА БАБАДЖАНЯНА

Шла к концу Великая Отечественная. Гремели над Москвой победные салюты в честь войск 1-го, 3-го Белорусских фронтов, 1-го Украинского под командованием прославленных полководцев Жукова, Василевского, Конева...

Давно это было. Уже давно. Но пролегли через столицу — навсегда — улицы и проспекты: Маршала Жукова, Маршала Василевского, Маршала Конева...

Там, где проспект Маршала Жукова стыкуется с улицей Мневники, неподалеку от Окружной железной дороги, недавно появилась новая площадь — площадь Маршала Бабаджаняна.

Часто приезжаю на этот московский перекресток. И всякий раз подолгу стою здесь, вспоминая человека, именем которого названа эта площадь. Будто еще вчера мы говорили с ним — живым...

Как дорогую реликвию храню газетные вырезки военных лет. Вот специальный выпуск 2 мая 1945 года — приказ Верховного Главнокомандующего:

«Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлин...

Сегодня, 2 мая, в 23 часа 30 минут в честь исторического события — взятия Берлина советскими войсками — столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам...»

Далее в приказе перечисляются войска, отличившиеся в боях за овладение Берлином. Среди них — танкисты полковника Бабаджяна...

А вот пожелтевшая фотография: маршал Г. К. Жуков с генералами А. Х. Бабаджяном и П. А. Гаркушей. Под

Берлин, 1945. Справа налево:
маршал Г. К. Жуков,
генералы А. Х. Бабаджян
и П. А. Гаркуша

фотографией дата — 1945 год. Амазасп Хачатурович говорил, что этот снимок сделан в Берлине вскоре после победы.

Он окончил войну полковником. 11-й гвардейский танковый корпус, которым он командовал, участвовал в штурме имперской канцелярии. Он был полковником, а на груди его помимо Звезды Героя Советского Союза уже тогда было два полководческих ордена, которыми по статуту награждались генералы, — Суворова I и II степени. Он стал Главным маршалом бронетанковых войск через тридцать лет после победы. Родина доверила ему высокий пост начальника танковых войск Советской Армии, ему, человеку, прошедшему дороги войны сначала под командованием маршала Конева, потом маршала Жукова. По дорогам войны он шагал с ними рядом, у них учился побеждать.

Минули десятилетия. В своих воспоминаниях о Великой Отечественной маршал Бабаджания писал:

«Сегодня нас, военных, поставили охранять покой и труд народа, и нам нужно быть готовыми сразиться с теми, кто осмелится на эти покой и труд посягнуть. Вот почему нам нужно изучать уроки Победы».

«Уроки Победы» — какие емкие и точные слова! Мне довелось как литератору помогать маршалу в работе над его мемуарами, и я предложил ему сделать эти слова названием книги.

— Не скромно, — возразил он. — Пусть будет: «Дороги Победы». Я не историк, и мое дело — извлекать из истории практические уроки. И потом — Отечественная преподала нам ведь не только уроки стратегии, необходимые для дальнейшей разработки советской военной доктрины. Это были еще политические и нравственные уроки...

И попросил внести в начало книги обращение к тем, кому придется встать на защиту Родины, если империалисты все-таки развяжут новую бойню, к поколению, которое родилось после победы советского народа над гитлеровским фашизмом, росло и мужало в пору мирных подвигов и свер-

шений. Вот эти его слова, исполненные мудрости и трогательной сердечности:

«Радуйтесь солнцу, свежему ветру, любите жизнь, творите добро. В мире нынче мир!

Но пусть нетленна и трепетна будет для вас святая память о тогдашних ваших сверстниках, живых и павших. Повергая в прах лютых недругов Советской Отчизны и человечества, поднявших на нашу Родину оружие, солдаты Отечества извлекали из войны уроки мужества, умение осмысливать подлинные человеческие ценности, нигде так ясно и оголенно не предстающие взору, как на войне.

Их подвиг и опыт пусть будут вам, молодым, опорой, укрепляя веру в несокрушимость наших идеалов, удесятеряя ваши силы».

* *

*

...Стою у перекрестка, где проспект Маршала Жукова встречается с площадью Маршала Бабаджаняна. С проспекта Маршала Жукова в нее непрерывным потоком вливается лавина автомашин, троллейбусов, грузовиков, на мосту Окружной дороги — железный лязг поездов. Площадь дышит, площадь живет...

Москва привыкает к ней.

НАУКА ПОНИМАТЬ ЧЕЛОВЕКА

Весна 1944 года.

Пусть читатель простит, что не соблюдаю жесткой хронологии, не даю привычного описания боевого пути своего героя. Передо мной сейчас иная задача — стремлюсь нарисовать портрет человека, который считал Великую Отечественную «самым важным, что довелось пережить», но глядел на нее «с дистанции прошедших лет и накопленного опыта». Воевал полковник Бабаджанян, а моя задача — рассказать о нашем современнике, о маршале, о том, как, вглядываясь в прошедшую великую военную эпопею, делал он необходимые выводы, учитывал ее уроки, чтобы никакие поползновения противников мира не застали нас врасплох.

Спустя три десятилетия после победы полковник А. Х. Бабаджанян стал Главным маршалом бронетанковых войск. Читатель вправе спросить, как становятся маршалами в мирное время? Ответить на этот вопрос нелегко.

Трудность задачи помогает преодолеть сам мой герой — его статьи в военных журналах, его выступления в газетах «Правда», «Известия». То есть самое, быть может, главное — его нынешний взгляд на сокровищницу боевого и стратегического опыта — Великую Отечественную войну.

Иными словами, как постигал он уроки Победы. Человек из народа, всем нутром своим за долгие годы военной службы выносивший мысль, что главная сила армии всегда люди, на вопрос, в чем же он видит главный урок Победы, маршал Бабаджанян отвечал:

— Спору нет, возможная ядерная война будет отличаться от Великой Отечественной. Современное ракетно-ядер-

ное вооружение — сильное оружие. Но советская военная наука не абсолютизирует его, по-прежнему мы отводим главную роль в достижении победы человеку.

Человек — главная сила на войне. Вот почему Главный маршал бронетанковых войск с благодарностью вспоминает политработников, обучивших его «особой науке — понимать человека».

Итак, весна 1944 года.

Тяжелые оборонительные бои недалеко от Днестра. 20-я мехбригада полковника Бабаджаняна с трудом удерживает натиск превосходящих сил противника, чующего свою близкую гибель и потому окончательно остервеневшего, идущего ва-банк, не щадящего ни людей, ни техники. Противнику удастся вклиниться на ряде участков в нашу оборону, отдельные его группы просачиваются в наши тылы, оседают в населенных пунктах.

Вот они отбили хутор у батальона мотострелков капитана Калмыкова. В помощь Калмыкову танковый полк сумел выделить всего танковый взвод. Перед комбригом — совсем еще юный, с комсомольским значком младший лейтенант, командир взвода.

— Видите хутор — семь-восемь домов? — спрашивает комбриг. — На хуторе немцы. Нужно уничтожить противника. Танков у них нет, но, правда, пехоты — почти батальон.

Взводный меняется в лице, переспрашивает растерянно:

— Батальон?..

Бабаджанян резко поджимает губы:

— Я неясно говорю?

Юношеское лицо младшего лейтенанта краснеет.

— Ясно, товарищ полковник.

Бабаджанян пристально вглядывается в него: совсем еще мальчик, хоть и с офицерскими погонами.

— А по-моему, что-то все-таки тебя смущает, младший лейтенант, — говорит он, меняя тон. Взводный чувствует:

из голоса комбрига исчезли гневные нотки. А Бабаджания добавляет ободряюще:

— Батальон — это батальон. Но это ж пехота, а ты танкист.

Осмелев, взводный произносит:

— В моем взводе было три танка, но теперь осталось, я докладывал, только два.

— Два, говоришь? Два танка? Но ведь это большая сила — два танка. У меня всего-навсего механизированная бригада — сборная солянка, всякая всячина, а у тебя танки! Разве можно сравнить? — с поддельным удивлением спрашивает Бабаджания под смех присутствующих.

Смеется и младший лейтенант, вскидывает руку к козырьку:

— Есть, уничтожить противника. Разрешите выполнять?

— Выполняй, друг! — Бабаджания протягивает ему руку. — Помни: за хутором обороняется батальон капитана Калмыкова. Худо ему. Надо помочь ребятам. На тебя одна надежда и у них, и у меня...

Восемь танкистов младшего лейтенанта в тот день уничтожили до двух рот вражеской пехоты.

9 мая 1971 года маршал получил письмо. Привожу его в сокращении:

«...Пишет Вам бывший командир танкового взвода танкового полка Вашей бригады младший лейтенант И. П. Логвиненко... Хочу напомнить эпизод, имевший место... в середине апреля 1944 года.

...О действиях моего взвода на следующий день я доносил Вам. Но в донесении я не стал писать о судьбе второго танка моего взвода.

Когда мы подошли к хутору, из одного дома в другой начались перебежки немцев. Я понял, что немцы, увидев нас, хотят укрыться в танконедоступных местах. Не теряя времени, оба танка на больших скоростях ворвались в хутор, на ходу стали уничтожать бегущих немцев...

Увидев наши танки, Калмыков и его люди воспрянули духом. Нам стало веселее, когда к нам прибыла рота ПТР в составе 16 человек... Утром к нам приехал Ваш заместитель и передал Вашу благодарность за работу на хуторе...»

И подпись под письмом:

«С уважением к Вам офицер запаса, ныне шахтер, Логвиненко».

— Жив, жив герой! — радовался маршал.— Танки его действовали не просто героически, они артистически действовали. А какая подпись! Танкист и шахтер — подумай, сколько заложено в этом сочетании слов!

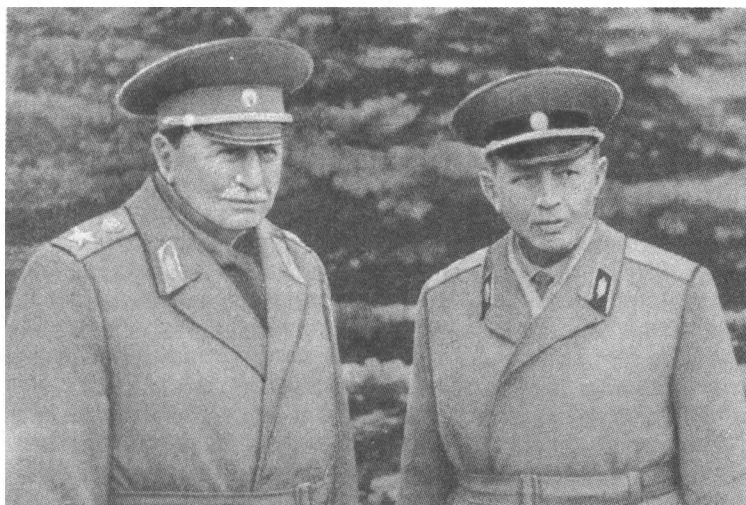
Заложено, действительно, многое. Но это другой разговор. Хотя и очень важный. Сейчас думаю, какие верные слова нашел комбриг, чтоб вселить уверенность в юного взводного, чтоб подвигнуть его на неравный бой — из двух танков у него остался один, и хотя танк — и грозная машина, но ведь один танк, а против почти батальон автоматчиков врага.

Успехи А. Х. Бабаджаняна в «науке понимать человека» имели глубокие корни. Чтоб «докопаться» до них, придется нам вернуться к далеким годам юности маршала.

«...Время от времени я наезжаю в свои Чардахлы. И часто встречаю здесь тех, кто, как и я, давно покинул родное село. Большинство почему-то военные — Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, генерал Г. Г. Манасян, а офицеров и не счесть. А ведь Чардахлы уж такое, казалось бы, не воинственное селение...» — писал Бабаджанян в своих мемуарах.

А село между тем особенное. Не всякий большой город может похвастать, что он — родина сразу двух маршалов, а маленькие Чардахлы могут. Могут с гордостью рассказать еще и о том, что проводили на войну 1250 односельчан и они достойно сражались за честь и свободу Отчизны.

320 чардахлинцев не вернулись с поля брани. Ереванские скульпторы подарили этому армянскому селу, расположенному на территории братского Азербайджана, величествен-

Маршал Советского Союза
И. Х. Баграмян
и Главный маршал
бронетанковых войск
А. Х. Бабаджян. 1976

ный памятник павшим — на холме, возле устремленной к небу гранитной стелы, возвышается бронзовая фигура женщины, символизирующая Родину-мать. Поправ коленом поверженного зверя, опершись рукой на меч, другой рукой она венчает лавровым венком славы сынов своих, сложивших голову за ее свободу и независимость.

Но село в самом деле отнюдь не воинственное. Тут всегда подтрунивали: мужчины, дескать, зря и кинжалы на поясе носят. Впрочем, в ответ на язвительные насмешки любили сельчане спокойно заметить: «Оружие, оно ведь и для защиты...»

И верно, спокон веков пасли здесь отары овец, возделывали

вали землю, отвоеывая у каменистых гор каждый клочок, где можно посеять хлеб или картофель, да крепко, по-братски дружили с соседями — рядом азербайджанское селение Хар-Хар, русская деревня Славянка...

Но, когда надо, меняли чардахлинцы плуг на меч и бурку чабана на серую солдатскую шинель. Живет здесь предание, что одного из чардахлинцев похвалил за военную храбрость сам Петр Первый...

— Это действительно было? — спросил я у маршала.

— Много слишком воды утекло с тех пор, кто знает... — разводит руками маршал. — Одно скажу: хоть и неписаными были законы гор, но первым параграфом значилось в них — будь защитником своего очага, своего дома, своего края, своей страны. Жизнь твоя дорога, но не дороже чести Родины, отдай за нее свою жизнь, чтоб продлилась жизнь ее. Суровость закона этого прежде всего адресовалась мужчине. Мужчина брал меч или просто топор — что первое попало под руку — и становился в строй защитников, в строй воинов. Стать воином мог каждый, кто достигал возраста мужества. Но дальше нужно было с честью оправдывать свое мужское звание. И потому оно считалось в высшей степени почетным. Мальчик становился мужчиной, а значит, воином, защитником. Когда мальчуган совершал смелый поступок, о нем говорили одобрительно: «Погляди на него, взрослый уже, воин». Суровые законы гор требуют воспитания в мужчине сызмальства чести рыцаря и защитника правого дела.

Рассказ маршала о Чардахлах, его неповторимом своеобразии, его людях, традициях, необычайной «военной» судьбе так поразил и увлек меня, что я сам поехал туда, и в результате телевидению был предложен сценарий документального фильма с броским названием «Маршалы из селения Чардахлы». Сценарий приняли — уж очень привлекло, очевидно, само название, — попросили только согласовать содержание фильма с его главными героями. И тут вновь меня поправили.

— Не маршалы главное в фильме про Чардахлы,— сказал Иван Христофорович Баграмян.— Чардахлинцы. Назвать его лучше, скажем, так: «Село отважных».

Под таким названием фильм и вышел впоследствии на экран. А во время съемок произошел эпизод, из-за которого и пришлось вспомнить об этом телефильме.

В горах, на пастбищах колхоза «Коммунист» азербайджанского селения Хар-Хар, встретили мы чабана Наги Байрамова. Было старику без малого девяносто лет. Достал он из потайного кармана завернутый в платок пакет, добыл из него потертую вырезку из районной газеты. На газетном снимке был он в косматой папахе рядом с маршалом Баграмяном.

— Это вскоре после войны снимали нас с Иваном — приехал меня повидать. Расспрашивал, как живу, рассказывал, как воевал. Много мы тогда с ним говорили. Молодость вспоминали. Ну я возьми и спроси: помнишь, мол, Иван, как я в детстве тебя вот этой самой чабанской палкой по спине огрел? Спросил и язык прикусил: кому я такое говорю! А Иван смеется. Ну я снова тогда спрашиваю: не сердчаешь на меня, дескать, за это? Баграмян меня за плечи обнял и отвечает: брат Наги, если б ты тогда как старший такого урока мне не дал, разве я стал бы маршалом?..

Подумав, старик добавил:

— Теперь знают, кого маршалом назначать — кого с детства воспитали так, что самое святое на свете — справедливость...

За справедливость в Чардахлах боролись всегда. У села давние революционные традиции. Партийную ячейку, возглавившую установление Советской власти в селе, составляли большевики Авет Гаспарян, Саркис Еганян, Арсен и Ашот Бабаджаняны, Шаген Бабаджанов, Абгар Баграмян — в свое время они ушли из родного села на заработки в Баку, там среди рабочих-нефтяников прошли школу бакинского пролетариата, школу Степана Шаумяна, Мешади Азизбекова, Ивана Фиолетова.

Построили в Чардахлах новую школу, но и старую, ветхую, оставили — на ее стене мемориальная доска в память о том, что в январе 1918 года в этом здании выступал перед чардахлинцами сам Степан Шаумян.

А неподалеку — Чардахлинский музей боевой славы, специальный зал тут посвящен прославленным землякам — маршалам И. Х. Баграмяну, А. Х. Бабаджаняну. Мы узнаем, что вслед за Алексеем Баграмовым, младшим братом И. Х. Баграмяна, вожаком сельской молодежи стал Амазасп Бабаджанян.

Нелегко давались сельскому пареньку обязанности комсомольского секретаря — в ячейке было уже почти полтора ста членов. Выручало то, что впоследствии он называл «классовым чутьем». И помогали коммунисты, сельская партиячейка.

Однажды его вызвали в уездный комитет комсомола, и секретарь укома предложил ему выбрать одну из двух комсомольских путевок — на рабфак или в военную школу. Он, не задумываясь, выбрал последнюю.

— В нашем роду о военных говорили с чувством высочайшего почтения, издревле жило представление о воине как о человеке доблести, рыцаре-заступнике. Двоим моим родственникам удалось выбиться из голытьбы в офицеры русской армии: дядя стал штабс-капитаном, георгиевским кавалером и погиб в первую мировую, а брат моего деда дослужился даже до генерал-майора и вышел в отставку еще до 1914 года...

И началась его армейская биография. Началась, впрочем, с проступка, который ему простили за давностью лет. Чтоб поступить в военную школу, требовалось иметь за плечами девятнадцать лет, а в кармане — метрику. Но какая там метрика у паренька из заброшенного в горы сельца — ее не было, как не было и необходимых девятнадцати, а только — семнадцать! Но поступить в училище так хотелось! И сердобольный председатель сельсовета, отдав должное достойному похвалы рвению юноши, прихлопнул

печатью нужную справку: родился, дескать, в 1906 году. Даже в энциклопедиях так сейчас и значится. Но тогда, в приемной комиссии Ереванской военной школы не больно поверили в его девятнадцать — был он низкорослым и щуплым с виду, зачислили «условно».

— «Условно» значит, что выдали мне обмундирование, которое на языке интендантов именовалось «б/у» — «бывшее в употреблении»: брюки мои были сплошь из заплат, а сапоги разного размера — левый спадал, правый не налезал. Сам понимаешь,— добродушно улыбается Амазасп Хачатурович,— в таком виде я был предметом насмешек товарищей и в свободные часы старался не попадаться им на глаза. Так забрел однажды в школьный тир...

Случайности подстерегают нас повсюду, и нам подчас кажется, что случай мог и не произойти и жизнь могла пойти совсем по другому руслу. «Условного» курсанта Бабаджаняна приметил начальник училища: на глазах у него курсант все пули всадил в десятку и был немедленно переведен из «условных» в «безусловные». Что это — случай помог или все-таки была в комичного вида деревенском пареньке «военная косточка»? Биография будущего маршала дает утвердительный ответ: была.

Нелегко, и как нелегко, давались ему поначалу знания — какую уж там подготовку получил он в первые послереволюционные годы в школе своих Чардахлов! А еще приходилось одолевать русский язык, на котором велось преподавание в Закавказской пехотной школе, в нее слили военные школы трех закавказских республик и расположили ее в Тифлисе, как тогда назывался Тбилиси — столица Закавказской Федерации.

А. Х. Бабаджанян рассказывал, как по-разному восприняли это курсанты: большинство с энтузиазмом, но нашлись и другие — пришли из далеких глухих деревень, пережили тяжелые годы временного господства буржуазных националистов — дашнаков и мусаватистов, меньшевиков. И хотя

повсеместно победила Советская власть, националистические пережитки все же кое-где оставили свои следы...

— Ты что хмурый как туча? — спросил одного такого Бабаджанян.— Переживаешь, что пришлось из Еревана уехать? По-русски учиться?

Курсант выдавил из себя:

— Очень нужно! Я и своим языком обойдусь...

— Как это «обойдешься»? — не понял Бабаджанян.

— Хватит мне моего собственного. А то еще по-грузински и по-азербайджански учиться?

— Нет, только по-русски.

— А ты сам хорошо знаешь русский? — с подковыркой спросил он.

— Слабо знаю,— признался Бабаджанян.— Но выучусь.

— Выходит, мне на своем родном учиться уже нельзя?

Бабаджанян насторожился — дело тут было, оказывается, серьезное.

— Послушай, а как ты себе представляешь: если враг нападет, ты воевать будешь только на армянской территории, а дальше ни на шаг?

— Почему? — не сдавался тот.— Поведу свой армянский взвод и дальше преследовать противника.

— А если тебя поставят полком командовать?

— И полк поведу.

— А если дивизией?

— И дивизию.

— А если... армию? — не унимался Бабаджанян.

Тот рассмеялся.

— Меня?

— Ну а вдруг? Вдруг ты окажешься такой талантливый? А в твоей армии будут и армянские, и грузинские, и украинские, и... ну какие хочешь еще полки? На каком ты языке будешь командовать? СССР — большой, Красная Армия — одна. Как же тут без русского обойтись?

...Задумчивая улыбка трогает губы маршала.

— Наивные доводы приводил, думаешь, да? — спрашивает он.

Я молчу в ответ.

— Это теперь тебе они наивными видятся. Сейчас русский язык для всех народов СССР — второй родной. А тогда процесс превращения русского в язык межнационального общения только еще начинался. И наша армия — авангард в этом процессе. Русский язык помогал нам овладевать богатейшей сокровищницей великой русской культуры. А в первую голову, конечно, сложностями военных дисциплин, русским военным искусством — суворовской «наукой побеждать», накопленным в годы гражданской войны опытом первых красных полководцев...

Маршал протягивает мне пожелтевшую книжечку, выпущенную в 1929 году, — «Курсант Закавказья. Орган бюро коллектива ВКП(б) Зак. пех. школы». В разделе «Слово молодых командиров» читаю заметку Ашрафа Ибрагимова: «В течение 4 лет я достаточно изучил русский язык, из которого ни слова, ни буквы не знал до поступления в школу. Без знания русского языка командир не может повышать свои знания...»

Потом следует заметка самого Бабаджаняна: «Я абсолютно не знал русского языка, а сейчас говорю свободно...»

Помогали друзья, и отступали трудности русской грамматики, сельский паренек набрасывался на русские книжки — где только время берет, все удивлялись, ведь еще столько наук надо одолеть!

Закавказская пехотная школа, ЗПШ, как сокращенно она именовалась, была для Бабаджаняна не просто военным училищем, а школой политической грамотности, школой пролетарского интернационализма.

Курсантам наглядны были успехи советских республик — Азербайджана, Грузии и Армении, объединившихся в Закавказскую Федерацию (ЗСФСР), чтоб легче было решать задачи развития экономики и народного хозяйства, задачи строительства социализма.

Товарищи и здесь оказали ему доверие — он был избран ответсекретарем (отсекром) комсомольской организации ЗПШ.

Над школой шефствовал завод — бывшие тифлиские железнодорожные мастерские, где до революции работали М. И. Калинин, А. М. Горький. Отсекр комсомола ЗПШ Бабаджанян организовывал встречи с рабочим коллективом, вошедшим в историю революционного движения России. Они были лучшим средством идейного воспитания и политической закалки для курсантов. По приглашению комсомольской организации школы к ним приезжали известные деятели революции и Советской власти в Закавказье — М. Цхакая, Г. Мусабеков и другие.

— Не было ничего похожего на официальные речи, — говорит маршал, — были задушевные беседы. Помню огромное впечатление от встречи с Михой Цхакая, председателем ЗакЦИКа. Не забыть мне, как я приглашал его выступить перед курсантами. Я знал, что Михаил Григорьевич Цхакая — личность поистине легендарная: сподвижник Ленина, один из организаторов революционного движения в Закавказье, ныне глава Советской власти всего Закавказья.

Мною овладело смущение, когда я ступил на мраморную лестницу бывшего дворца царского наместника Кавказа, где располагался ЗакЦИК. И уж вовсе оробел, когда за мной затворилась дверь огромного кабинета его председателя. Остановился в нерешительности.

Навстречу мне быстро шагал с протянутой рукой невысокий человек в пенсне, с седой бородой, гладко зачесанными волосами.

Я вытянулся по стойке «смирно», начал было рапортовать:

— Товарищ председатель Центрального...

Но он не дал мне договорить, крепко взял за руку, обнял за плечи и буквально силой усадил на стул, сам сел рядом, энергично заговорил:

— Так, значит, молодежь хочет видеть председателя

ЗакЦИКа? Хорошо, очень хорошо. Обязательно буду. А когда вам, сынок, это удобно?

— Когда вам удобно, товарищ Цхакая!

— Вот это неправильно. Вы, будущие командиры Красной Армии, живете по строгому распорядку, и не мне ваш регламент нарушать. Я сам солдат партии, а в партии тоже строгая дисциплина, и никому не дозволяется на нее посягать. Так всегда Владимир Ильич требовал. И строго взывал с нарушителей — в любом ранге. Договорились? — Из-за стекол пенсне лукаво и добродушно светились его глаза.— Значит, когда? — продолжал он.— Видимо, после конца ваших занятий. И... наверное, после того, как завершите подготовку к следующему дню занятий. Как эти часы у вас называются?

— Самоподготовка.

— Ну вот, после этой самой самоподготовки. Это в каком часу? И вообще, ну-ка, опишите мне свой учебный день,— потребовал он.

Один за другим последовали вопросы: как живем, как питаемся, что читаем, какие газеты и книги приходят в библиотеку...

Выспросив все, Миха Цхакая встал, еще раз уточнил день и час встречи, проводил меня до дверей кабинета, обнял на прощание и только тогда отпустил.

Минута в минуту в условленное время он вошел в забитый до отказа зал нашей школы, смущенно остановил аплодисменты и заговорил.

Как он говорил! Это на самом деле был партийный пропагандист ленинской школы. Удивительная логика доводов облекалась в настолько выразительную форму, что ей мог позавидовать любой публицист-литератор. Доходчивость, простота, яркость — и все это при такой доверительной интонации, что, когда он закончил, аудитория взорвалась огульной овацией и из зала курсанты вынесли его буквально на руках.

А он решительно высвободился из курсантских рук:

— Ведите, показывайте, как живете, как учитесь. Только правду говорите. В чем нуждаетесь — поможем, вы — надежда рабочего класса, вы — защитники завоеваний трудящихся...

Прощаясь, пожимая руки всем, кто стоял рядом, он говорил:

— Зовите нас, руководителей, к себе почаще. И за просто. Плох тот руководитель, который отрывается от масс. Так учит Ильич...

Учиться у Ленина большевистской принципиальности, преданности делу рабочего класса, теплоте и отзывчивости в отношениях с товарищами, непримиримости к любым проявлениям классово чуждой идеологии призывал нас старейший деятель партии.

Дух товарищества был непреложным законом молодой армии Советов. При этом он не входил ни в какое противоречие с законами армейской службы и дисциплины, не нарушал субординации. Вот тебе пример...

И маршал рассказывает.

Начальником ЗПШ был Василий Григорьевич Клементьев — человек беспредельной храбрости и мужества, герой гражданской войны и борьбы с басмачеством в Средней Азии.

Став начальником ЗПШ, Клементьев установил с курсантами отношения строгого командира, но верного друга.

Один курсант, отличник учебы, как-то рассказал товарищам, что прадед его — Илья Чавчавадзе, великий поэт, по происхождению князь. За это его хотели немедленно исключить из комсомола.

Клементьев вмешался — попросил секретаря партбюро школы Жолудева разобраться, судьба курсанта-отличника волновала его.

Жолудев остудил не в меру горячие головы. Он сказал:

— Братишки, вы знаете, кто я по происхождению?

— Рабочий, — ответили ему хором.

— Верно. Причем путиловец, — не без гордости добавил

Жолудев.— А теперь еще вопрос: а кто будет по происхождению великий русский писатель Тургенев?.. А Пушкин Александр Сергеевич?.. А декабристы?

В ответ молчание.

— Так вот, братишки. Илья Чавчавадзе тоже, хоть и дворянином был, но это не помешало ему любить простой народ. И своими стихами бороться за его свободу. Причем лучше, чем иной клинком. Улавливаете? Таким прадедом гордиться можно. Что же касается курсанта Чавчавадзе, то, я думаю, быть ему в комсомоле или нет, это надо решать так: что он сам сегодня стóбит.

— Сегодня князь останется в комсомоле, завтра — в партии. А ведь наша партия — партия рабочего класса и трудового крестьянства!

— В партии,— возразил Жолудев,— есть достойные люди и дворянского происхождения. Они поняли, что единственная правда на земле — наша рабочая правда. А главное, понять, где правда. И честно за нее бороться. Борется за нее честно,— значит, наш...

Курсант Чавчавадзе остался в комсомоле, остался в школе, окончил ее одним из лучших, стал замечательным командиром, отважно сражался, снискал всеобщее уважение.

Клементьев говорил: Жолудев — настоящий большевик, питерская рабочая школа.

Парторг Жолудев внимательно следил за тем, как учится и мужает рабочая прослойка в курсантской массе. А в ЗПШ больше семидесяти процентов курсантов были выходцами из рабочих.

— Помни, комсомольский вождь,— наставлял он Бабаджаняна,— один раз пообщаться с рабочим коллективом — это больше, чем десять лекций о рабочем классе. Чаще бывайте на заводах и фабриках. Оторвешься от народа — навсегда потеряешь его доверие. А мы — армия народа. Вот это пусть для тебя будет самым главным лозунгом в жизни.

Здесь же, в ЗПШ, произошло в жизни Бабаджаняна событие, которое он называл событием «чрезвычайной важности»,— его приняли в партию коммунистов, с которой оказалась связана вся его последующая жизнь. Партия учила жить интересами народа, быть в гуще народа, учиться у народа его великой мудрости, учила служить народу.

Он не стал кадровым политработником, хотя по окончании школы ему предлагали пойти политруком роты, предпочел должность более скромную — командира взвода, строевую службу. Но вся его жизнь органически была связана с партийной работой. Так было не только в послевоенное мирное время, когда он избирался делегатом партийных форумов, так было в дни боев и сражений Великой Отечественной, когда поведение члена партии подчинялось одному: «Коммунисты, вперед!»

Спустя четверть века после войны, когда готовились его мемуары и ему хотелось, чтобы поярче было сказано о том, что такое коммунисты на войне, он вспомнил ставшую знаменитой фронтовую фотографию известного военного корреспондента М. Альперта, изображавшую человека, который поднимает в атаку бойцов.

— Мне кажется,— сказал маршал,— еще слышны его слова: «Вперед, в атаку, за мной!» И смотри: сам на бруствере, над окопом, открытый пулям врага, весь воплощение неотразимой воли, стремительности, убежденности — сама правда, за которой нельзя не броситься вслед. Настоящий политрук!

— Но,— возразил я,— снимок этот называется «Комбат»...

— Неужели? — разочарованно протянул Амазасп Хачатурович.— Все равно, я именно таким вижу образ политработника... Давай тогда не будем писать слово «снимок», напишем «образ»...

Так мы и записали. Тем более что не была известна даже фамилия человека, запечатленного на фотографии.

Но вот прошло несколько лет, и в печати появилось сооб-

шение,— журналисты докопались, установили точно, кто изображен на этой фотографии. На ней, оказывается, был... политрук! В сумятице фронтовых будней в записи фото-корреспондента вкралась ошибка. На самом же деле он сфотографировал тогда политрука Алексея Еременко.

О, как обрадовался маршал, когда я принес ему эту газету!

— Видишь, опыт обычно не обманывает — слишком много людей я встречал на войне. Обязательно это надо в книге исправить, обязательно!

Он успел это исправить — в прижизненном переиздании мемуаров...

В книге достойное место уделено его боевым соратникам — политработникам М. П. Скирдо, Н. И. Пивоварову, А. И. Кортелеву и многим другим.

Когда речь заходила о его армейских «учителях», политработники всегда стояли в одном ряду со строевыми командирами: Г. К. Жуков и К. Ф. Телегин, И. С. Конев и И. П. Шекланов, М. Е. Катуков и Н. К. Попель, первый ротный командир в полку, где Бабаджанян начинал командиром взвода,— Н. Г. Селихов и первый политрук П. Я. Яремчук.

Для новоиспеченного взводного, только что выпущенного из военной школы, так много значил добрый совет опытного наставника. Сколько бы ни давала школа, а выйдешь в жизнь, и тысячи проблем обступают тебя. Ведь первый этап твоей практической жизни — это буквально «лиха беда — начало».

У Бабаджаняна на этом начале был комроты Н. Г. Селихов — человек сурового нрава. Нрав этот, впрочем, не мешал ему быть справедливым, строгость не препятствовала душевности, сдержанность не мешала устанавливать с молодыми командирами в неслужебное время отношения старшего друга, товарища, приглашать их на домашние чаепития, которые мастерски организовывала его жена.

С тех далеких времен и до конца жизни для А. Х. Ба-

бабджаняна оставался примером в отношениях с подчиненными первый ротный командир, хотя служить им вместе пришлось сравнительно недолго.

Сослуживцы вспоминают, как много лет спустя, в послевоенное мирное время, уже командуя округом, генерал-полковник, Бабаджанян был вдохновителем организации офицерских вечеров отдыха, как настаивал, чтобы на этих вечерах присутствовали все офицеры, и непременно с женами. Как неизменно становился душой этих вечеров, а коли застолье — так непревзойденный тамада, сверкал остроумием, не забывал сказать доброе слово о каждом присутствующем. Никогда не гнушался приглашением подчиненных на семейное торжество, а кстати, мог собственноручно и настоящий кавказский шашлык приготовить. Обаяния было ему не занимать. Впрочем, все это не мешало на следующее утро снова предстать строгим и требовательным начальником.

Недолго довелось Бабаджаняну служить под началом ротного командира Н. Г. Селихова, военная судьба разбросала их в разные стороны. Сколько времени минуло с тех пор, но не прошло чувство признательности своему первому учителю — спустя сорок с лишним лет маршал разыскал его вдову — Людвигу Иосифовну (полковник Н. Г. Селихов героически погиб в 1943 году на Кубани, где дралась руководимая им 414-я Краснознаменная Грузинская дивизия), ходатайствовал об определении ей пенсии, позаботился, чтоб на офицерском кладбище в Краснодаре был установлен памятник Николаю Георгиевичу...

— Когда я произношу свое «спасибо за науку», — говорит маршал, — я всегда адресую его все-таки не одному Селихову, а еще и П. Я. Яремчуку — политруку нашей роты. Слились оба эти человека в моей памяти — впрочем, они слитны и едины были и в действительности.

Командиру взвода Бабаджаняну в 1930 году довелось принимать участие в изоляции и ликвидации беко-ханских, кулацких банд, действовавших в то время в Закавказье.

И тут очень пригодились советы и наставления опытного П. Я. Яремчука.

Политрук однажды сказал Бабаджаняну:

— Больно часто твердишь бойцам: смелого пуля боится...

— Так это же Суворов! — возмутился Бабаджанян.

— Суворов, не спорю, — миролюбиво продолжал Яремчук, — только я за то, чтоб ты добавлял все время к слову «смелого» еще и «умелого». Кстати, это тоже Суворов...

В правоте политрука взводный убедился вскоре — был убит бандитской пулей один из командиров рот, козырявший своей храбростью и не желавший «кланяться» пулям.

— Умный командир действует так, чтобы сразить противника, а самому остаться целым и невредимым. Ты умей организовать бой, а не ходи, как петух, под обстрелом...

— Это тогда комполка сказал, Недвигин, Николай Петрович его звали. Подтвердил правоту политрука, — вспоминает маршал.

Бабаджанян до конца своих дней вызывал у всех восторженное удивление цепкой памятью, хранившей десятки, а то и сотни имен, фамилий тех, с кем ему пришлось столкнуться в своей большой жизни. Он часами мог рассказывать не только о руководимых им самим подразделениях, частях, соединениях, но и «соседях» по фронтам Великой Отечественной — так, словно бы держал в руках «журнал боевых действий» этих частей. Впрочем, это был не тот случай, когда о человеке говорят «ходячая энциклопедия».

Восхищаясь этим его умением хранить в памяти сотни имен и мельчайшие детали боевых действий, его собеседник не мог не заметить, что это не просто перечисление фактов, а — осмысление, я бы сказал, политическое осмысление, своего и Отчизны боевого пути.

— Если война, — говорил он, — продолжение политики иными, насильственными средствами, то уроки хода и финала войны, боев и победы — не просто военные, а всегда

военно-политические... В схватке с фашизмом выходил победителем народ, руководимый и возглавляемый коммунистами... Газетными фразами говорю, что поделаешь, солдат я, не литератор. Исправишь... Но обязательно в книге надо отметить: 80 процентов всей партии в период Отечественной находилось в армии и в военном хозяйстве...

Я «исправлял», стараясь сохранить живые обороты его речи, конкретность наблюдений. Он сдержанно одобрял. Но этого мне было мало, я стремился убрать казавшиеся мне действительно «газетными» и слишком уж прямолинейно «политическими» заключения.

— Нет,— твердо возражал тут Бабаджанян.— Нет. Так и запишем. Чтобы не было недомолвок: мои учителя — политработники. Я учился у них особой науке — понимать. Понимать человека. И они, наверное, потому дружили со мной, что замечали мое прилежание в постижении этой науки.

ДАР ОДНОПОЛЧАНИНА

Когда деревенский паренек из глухого армянского селения, став курсантом объединенной Закавказской военной школы, освоил русский, для него распахнулся новый мир — мир русской литературы, литературы мировой — военной, специальной, не говоря о художественной.

Эта любовь к книге и понимание силы слова, родившиеся еще в юности, сопровождали его всю жизнь. Но как военный, он, пожалуй, уверовал в силу слова в сорок втором году, когда «к штыку приравняли перо».

...В домашней библиотеке А. Х. Бабаджаняна бережно хранился томик пьес Александра Корнейчука с дарственной надписью:

«Дорогому Амазаспу Бабаджаняну — выдающемуся полководцу и человеку красивой большой души. Никогда не забуду встречу с Вами в тяжелые дни войны. Взволнован Вашими воспоминаниями о Великой Отечественной войне. С глубоким уважением и лучшими чувствами.

Александр Корнейчук

22.1.71 г.»

«Встреча в тяжелые дни войны» состоялась зимой под Новый год, сорок второй, когда Александр Корнейчук с Вандой Василевской и Миколой Бажаном приезжали в дивизию генерала А. З. Акименко, которая вела кровопролитные бои в районе Курска и здесь была удостоена звания «гвардейской», одной из самых первых. Бабаджанян в этой дивизии командовал стрелковым полком.

После этой встречи 11 января 1942 года в «Правде» появилась статья Бажана, Василевской и Корнейчука «Гвардейцы идут на запад». В ней повествовалось о том, как под деревней Выползово при участии подразделений Бабаджаня полностью был уничтожен пехотный полк противника.

В томик пьес А. Корнейчука входит и знаменитый «Фронт».

— Подумать только,— сказал маршал, получив подарок,— мечтал иметь эту пьесу еще в сорок втором, а попала она ко мне почти через тридцать лет. Зато с автографом... Считаю: это — дар однополчанина.

Он тогда так и ответил писателю:

«Спасибо за Ваш драгоценный дар — драгоценный для меня вдвойне, потому что вижу в нем дар однополчанина: Ваш «Фронт» помогал нам сквозь дым боев и горечь неудач увидеть правду и поверить, что она восторжествует и поможет обрести победу».

Вспомним: печатая эту пьесу на своих страницах в 1942 году, газета «Правда» писала, что опубликование ее является «признаком величайшей силы и жизнеспособности Красной Армии, нашего государства, ибо только армия, уверенно смотрящая в будущее, уверенная в победе, может столь прямо и резко вскрывать собственные недостатки, чтобы быстро ликвидировать их».

...В марте сорок второго было предпринято наступление, чтоб освободить от захватчиков город Таганрог. Следовало прорвать мощную оборону противника на реке Миус и, обойдя Таганрог с севера, окружить таганрогскую группировку противника. Это требовало создания глубококошелолированных боевых порядков, сильной артиллерийской и авиационной подготовки, создания очевидного превосходства над противником на определенных участках. Генерал А. З. Акименко, командовавший здесь корпусом, настаивал, например, на сосредоточении его соединения на узком участке прорыва, чтобы возникла более плотная артиллерийская подготовка. Опыт военачальника, приобретенный в граждан-

скую войну, сочетался у него с умением мыслить современно, с глубоким и трезвым расчетом. Но командующий армией, в которую входил корпус А. З. Акименко, пренебрег его советом.

Штурм переднего края противника длился три дня — результатов никаких. Тогда командарм бросает в бой танковую бригаду. Но танки ничем не поддержаны — ни пехотой, ни авиацией, и вскоре большая часть их уничтожена противником.

Командарм приказывает: командирам полков лично возглавить атаку пехотных цепей, любой ценой прорвать оборону противника. В штабе армии командующий распечатывает комдивов:

— Мы в гражданскую всегда впереди своих полков шли в атаку, личным примером поднимали бойцов.

Никакие возражения — ни то, что в ротах осталось до трети положенного состава, ни то, что в окопах вода по колено, что танков — считанные единицы, а у немцев — отличные дзоты, прекрасно замаскированные на господствующих высотах, — ничто не принимается в расчет. А успеха — никакого.

Утром в штаб армии вызывают командиров полков. Генерал держит речь, стараясь придать своему голосу максимально доверительную интонацию:

— Собрал вас, братцы, чтоб по душам потолковать. Надо разобраться, отчего наше наступление не получается. Не было такого в Красной Армии, чтоб перед противником пасовать. Деникинцев и то — в психическую атаку ходили в рост, под барабан, в белых перчатках — били! Был командир перед строем бойцов — орел! Сиваш по грудь в воде преодолели? Преодолели. А тут воды, видишь ли, в траншее по щиколотку, мы и... А может, у вас к командованию претензии есть — стратегия, дескать, того... хромает? Так вы без стеснения выкладывайте.

Без стеснения ему и выложили. Командир полка Бабаджанян объяснил, в каком положении части и что, по его

мнению, надо лучше продумать вопросы поддержки атакующих, взаимодействия, иначе бесплодные атаки обречены на провал...

Командарм перебил его:

— Пораженческие настроения? Не позволю! Ты — пораженец. А что думает комиссар этого полка?

Комиссар М. П. Скирдо ответил четко:

— У нас с командиром единое мнение.

...Соединение понесло тогда большие потери и вынуждено было возвратиться на исходные позиции.

— Мне трудно сейчас вспомнить,— говорил Амазасп Хачатурович,— какова была дальнейшая хронология: командарма того раньше сняли или раньше прочел я в «Правде» пьесу Александра Корнейчука «Фронт». Только когда читал, не мог избавиться от мысли: не с нашего ли командарма списывал своего Горлова драматург? Ведь тоже заслуженный боевой генерал, а вот воюет так, словно и не минуло два десятилетия — и каких десятилетия! — после гражданской войны. И мне так захотелось тогда повидать этого писателя, пожать ему от всего сердца руку. Тем более что незадолго до этого мы с ним познакомились лично.

Увы, их второй встрече не суждено было состояться, хотя генерал-полковник Бабаджанян командовал Одесским военным округом, а писатель Корнейчук жил в Киеве.

Однако и одной встречи, если она — фронтовая, достаточно, чтобы сблизить людей навсегда. Тем более что она произошла в пору, когда предстояло пережить горечь поражений и найти в себе мужество извлечь из уроков поражений первые навыки побеждать врага.

— Ты не помнишь,— спросил он, рассказав про «Фронт» на фронте,— где это у Маркса сказано: война подвергает нацию испытанию — в этом заключается ее искупительная сторона?

Я нашел цитату и принес.

— А дальше как мудро! — восхищался он: — «Подобно тому, как мумии мгновенно распадаются, когда подвергаются воздействию атмосферы, так и война выносит окончательный приговор социальным учреждениям, которые утратили свою жизнеспособность...»

— А как по-твоему, армия — тоже социальное учреждение? — перебил он сам себя, задумался. — Может, это по-научному и неточно, но по смыслу правильно. Советская страна в испытаниях крепла, и потому «Правда» подтверждала мысль Маркса, смотри: опубликование «Фронта» — признак величайшей силы и жизнеспособности... Жизнеспособности! — он подчеркнул это слово, — Красной Армии и нашего государства. Государство-то уж — никто не будет спорить — «социальное учреждение», да?.. Хорошее, настоящее произведение, — говорит маршал, любовно поглаживая переплет подаренной Корнейчуком книги.

Образы «Фронта» для него — реальные, живые люди. С Огневыми, смело ломавшими рутину, он сражался бок о бок. Были Жуков, Конев, Рокоссовский, но увы, были и Горловы, не умевшие подняться над прошлым своим опытом, прежними заслугами.

Был командир стрелковой дивизии, в которой Бабаджанян служил перед самой войной, бывший кавалерист, упрямо твердивший, что «ни на какую машину не променяет живого коня».

— А если вы, молодые, променяете, так все равно не прожить вам без тактики, без оперативных приемов, которые мы, красные конники, кровью своей выработали.

— Разрешите возразить, товарищ комдив, — сказал как-то ему Бабаджанян. — Мы не против использования тактических и оперативных приемов конницы для новых подвижных войск. Но вы не хотите даже замечать новых подвижных войск. А между тем Фуллер, Дуэ...

Молодой командир Бабаджанян служил в стрелковых частях, в матушке-пехоте. Но принадлежал к людям любопытным и беспокойным. Он не оставался в стороне от

вопросов научно-технической перестройки военного дела, которые занимали в то время умы военных теоретиков. Перед тем как отпроситься на строевую работу в войска, он долгое время был на штабной работе и прочел тогда Джона Фуллера — «Танки в первой мировой войне» и Джулио Дуэ — «Господство в воздухе», познакомился с работами Лиддел Гарта и немецкого генерала Секта. И уж конечно знал о взглядах своего современника — теоретика танковой войны Гудериана... Вот и нашел в себе смелость возражать комдиву.

— Но... вступала в силу субординация,— грустно улыбувшись, заканчивал свой рассказ о «прохладных отношениях» с одним из первых своих комдивов маршал,— и однажды я все-таки схлопотал выговор...

Генерала Горлова из пьесы Корнейчука «Фронт» вспоминал маршал не только в связи с командармом, но и другим военачальником, тоже довольно высокого ранга. В боях под Богодуховом и Ахтыркой мехбригада Бабаджяня была придана общевойсковому соединению, которым командовал генерал, известный успешными действиями в гражданскую войну. Бабаджяню однажды пришлось оказаться свидетелем того, как маршал Г. К. Жуков, невзирая на прошлые заслуги, резко осудил этого командира за уменьшение возможностей приданных ему механизированных сил. Ошибочная позиция генерала была не случайной. Еще до войны, занимая высокую должность в Наркомате обороны, он недооценивал необходимость быстрейшей механизации войск. А ныне невозможно было не только решать проблемы обороны страны в целом, опираясь лишь на свои представления более чем двадцатилетней давности, но даже командовать воинским соединением.

Ни высокие звания, ни прошлые заслуги не давали права на просчеты в великой битве, которую вели советские люди со смертельным врагом, в битве, решавшей судьбу Родины.

Воевать по-старому было уже нельзя — этому властно учила жизнь.

«ВНИМАНИЕ, ТАНКИ!»

Так называлась нашумевшая еще перед войной книга известного военного деятеля. «создателя немецких бронесил», как его величали в буржуазной военной литературе, одного из теоретиков «молниеносной войны» — генерала Гейнца Гудериана, фашистского генерала.

Еще в сороковом году, у Арденн, в связи со стремительным германским танковым наступлением Гудериан восторженно воскликнул: «Ничто не может остановить эту мощную ударную силу!»

И вот июль сорок первого. Танковый десант Гудериана — за Днепром. На форсирование Днепра своими танковыми армадами, как на торжественную церемонию, он пригласил гостей: личного адъютанта Гитлера — фон Белова и представителя Муссолини — генерала Марасса.

Увы, ему было тогда чем гордиться...

Бабаджян размышлял, и получался как бы молчаливый диалог с воображаемыми оппонентами.

«Может быть, у нас недооценили военную доктрину «блицкрига» («молниеносная война»), ведь это по ней успех в войне решают танки и самолеты, исключительно танки и самолеты?..»

Гудериан провозглашал: броня, движение, огонь — существеннейшие признаки новых средств атаки.

«Танки, самолеты... техника. А как же — люди?»

Бабаджян учил: в достижении успеха на войне первостепенная роль принадлежит человеку, а Гудериан упрямо твердил: люди — потом, сначала — танки, люди — отнюдь не главные детали военной машины...

«Но танковые армады Гудериана — за Днепром?!»

Бабаджянна учили: окончательная победа достигается только совместными усилиями всех родов войск.

«Но ведь и сам Гудериан перед войной написал еще одну книжку, тоже со знаменательным названием: «Бронетанковые войска и их взаимодействие с другими родами войск». Значит, все-таки признавал, что ни один, отдельно взятый род войск не в состоянии решать все задачи, возникающие на поле брани?»

Бабаджян знает: за поражение под Москвой Гудериан отстранен от командования танковой армией.

«Отстранен-то отстранен, но это вовсе не привело к уменьшению на советско-германском фронте количества танков противника. Генералитет вермахта продолжает исповедовать гудериановские идеи о гегемонии танков в войне. Значит, опять «Внимание, танки!»?

Эти вопросы неумолимо встают перед Бабаджяном. Мучительно он ищет на них ответ, но обретает ответ лишь в начале 1942 года, когда в числе многих других командиров стрелковых полков его переводят в бронетанковые войска и назначают на должность командира механизированной бригады. Поначалу озадаченный этим («Я — пехотинец!»), он затем невольно приходит к мысли: значит, противнику собираются противопоставить достаточное количество танковых сил.

А коли так, значит, танкам, вооружению отводится серьезная роль.

Он знает, он читал: по уровню теоретической мысли и по достижениям в танкостроении мы опережали перед войной все капиталистические страны, в том числе и фашистскую Германию. Другое дело — у нас не было достаточного количества бронетанковой техники: в первые годы после Октября отсутствовала необходимая промышленная база, не хватало квалифицированных кадров, только впоследствии, в тридцатые годы, в результате осуществления ленинской политики индустриализации страны были заложены основы оборонной мощи Советского государства, родились

танковая, авиационная и другие отрасли военной промышленности. К 1939 году появились знаменитые советские танки Т-34 и КВ.

Но слишком мало оставалось времени до гитлеровского нападения на нашу страну. Успели выпустить всего тысячи полторы «тридцатьчетверок» и КВ.

Гитлеровцы же использовали свою возросшую военно-экономическую базу, ресурсы оккупированных стран, своих сателлитов — весь их промышленный потенциал, и в результате — полуторное превосходство в танках у противника, а на направлениях главных ударов — еще большее.

Став танкистом, командуя механизированной бригадой, невольно возвращался Бабаджанян к научным исследованиям генерала Гудериана. Фашистского генерала Гудериана. Но куда денешься — его имя тогда блистало на небосклоне военной науки, Гудериан выступал в ореоле своих побед (другое дело — каких побед, но это еще надо было осмыслить), имя его затмевало все другие имена специалистов танководения.

Итак, опять «Внимание, танки!» Гудериана. «Броня, огонь, движение...» Ах, как увлекательно, как заманчиво, как эффектно!

Однако опыт войны с СССР опровергал главный тезис германского танкового теоретика. «Молодому танкисту» комбригу Бабаджаняну это было ясно. Да и наш Т-34, немцы сами это признавали, был лучше их танков.

Теория «молниеносной войны» породила и определенную концепцию танкостроения. Предпочтение отдавалось подвижности в ущерб броневой защите и вооружению. Но подвижность у этих танков — только на хороших дорогах и в летнее время, не предполагали же, что война с Россией затянется, опирались на свой опыт легких побед над западными странами. И броню тоже делали легкой — ставка была на отсутствие у противника необходимых средств борьбы с танками и организованной обороны. Так же было на Западе.

Но здесь — иное. Здесь — другая страна, другой противник, другой народ, другой социальный строй. Теоретики «блицкрига», в том числе и Гудериан, недооценили эти факторы, игнорировали их и... просчитались. Война с СССР вскрывала несостоятельность военной доктрины, отталкивающейся от ложных социальных посылок, базирующейся на человеконенавистнической идеологии.

«Это по вашей идеологии человек лишь деталь военной машины», — мысленно возразил тогда Гудериану полковник Бабаджанян...

— И все же и Гудериану некуда деться, — как бы продолжая прерванный на три с лишним десятилетия спор, говорит А. Х. Бабаджанян, перелистывая послевоенные гудериановские мемуары — «Воспоминания солдата», — все равно он вынужден отдать должное людям. Время — лучший аргумент. Впрочем, как это делает! Ты только послушай: «Я не страдаю недооценкой германского солдата, он был выдающимся воином, его можно было без всяких опасений бросить в наступление против противника, превосходящего в пять раз. При правильном управлении он благодаря своим блестящим качествам сводил на нет такое численное превосходство и побеждал».

— Вот как, оказывается! «Выдающийся» воин, помнишь его? — Бабаджанян насупился. — Железная кукла в серо-зеленом мундире. На диво дисциплинирован, исполнитель. Какой же еще должна быть «деталь» военной машины!

— Кукла-то кукла, — пробую я возразить, — а драться с ним ведь было ох как нелегко.

— Ты что же, решил, что я приуменьшаю достоинства нашего противника? — в голосе Амазаспа Хачатуровича неподдельное удивление. — Э нет, я б тогда приуменьшил значение нашей победы. Фашистский солдат был серьезным и сильным противником. Опьяненный угаром легких побед в Европе и отравленный ядом нацистской пропаганды («расовое превосходство!»), он был опасным противником. Дисциплина — вещь необходимая, без нее не обойтись

ни в какой армии. Но фашистский солдат был дисциплинирован до абсурда — какой же иной должна быть «деталь» военной машины! Одно интересно, где это он побеждал в пять раз превосходящего противника? У нас? Смешно. Если только где-нибудь в Европе... Ну да там для них была не война — прогулка на велосипеде!

Он вспомнил, как в первые месяцы войны на Смоленской дороге с группой наших разведчиков неожиданно увидел молоденького гитлеровского офицера в щегольском отутюженном мундирчике верхом на сверкающем никелем велосипеде. Конечно, его тут же полонили, обезоружили. И обнаружили в его кармане блокнот с аккуратными записями на русском языке: «Ты есть плен», «Сколько километр до Москау?»

Бабаджаниян не рассказал мне, как он поступил тогда, не вспомнил и то, что этот эпизод начала войны описал Василий Гроссман в своих очерках, которые посвятил ему, Бабаджанияну.

Позже я прочитал у Гроссмана о пленении офицера противника и о том, что Бабаджаниян в тот момент порывисто схватил этот блокнот и поперек него написал: «Не увидите вы Москву. Придет день, и мы спросим, сколько верст осталось до Берлина».

Невольно сопоставляю пылкий темперамент молодого майора Бабаджанияна с подчеркнутой сдержанностью маршала Бабаджанияна, сдержанностью, обретенной с годами, той, что удержала его от, казалось бы, естественного желания поделиться с литератором, помогающим готовить мемуары, тем, что маститый писатель когда-то посвятил ему целую книжку и так знаменательно ее назвал — «Советский офицер».

Почему он так поступил, я понял, прочитав эту книгу. Его смущали, видимо, те оценки, которые ему, сравнительно молодому командиру, дал известный писатель. «Рыцарски честный, аскетически скромный, по-солдатски простой и прямодушный...» Таким его увидел Гроссман, которому

никак не откажешь в наблюдательности и умении разбираться в людях.

Хочу обратить внимание на эпитет «рыцарски честный» в отношении Бабаджаняна — офицера, генерала, маршала.

Амазасп Хачатурович Бабаджанян — таким знали его не только боевые соратники, сослуживцы, но и просто знакомые, порой даже недавно знакомые с ним люди — очень соответствовал этому определению писателя. И сам любил это слово — вкладывал в него большой смысл. Шло это от воспитания по суровым законам его родного горного края, воспитания в мужчине сызмальства чести рыцаря и защитника правого дела. В устах маршала оно было наивысшей оценкой военного деятеля, полководца.

Да, не о Гроссмане и его книжке говорил маршал, вспоминая «офицерику на велосипеде». Он говорил, что уже в первый год войны становилось ясно, что «блицкриг» — блеф, что несостоятельны всякие теории «малых армий», в частности теории главенствующей роли танков, которые будто бы способны решать ход и исход войны без взаимодействия с другими родами войск. Что хотя далека еще была наша победа, но уже тогда становилось ясно: наряду с техникой и вооружением решающую роль играют уровень военно-политического руководства и морально-политические качества солдат.

— Таков был, — продолжает маршал, — один из первых уроков войны, урок, обеспечивший в будущем нашу победу. Когда я, отдавая должное достоинствам солдата противника, сравниваю его с нашим советским бойцом, тогда у меня исчезает беспристрастность, что невольно приходит с годами отдаления от военных лет. Да, я восторгаюсь нашим советским солдатом. Восторгаюсь. Потому что слишком близок мне такой тип воина. Ты вот раскопал, что в связи с моим полком «Правда» писала еще в сорок первом году...

*Из корреспонденции Л. Митницкого и М. Сиволобова
«Люди второй дивизии» (Правда, 1941, 19 ноября):*

«Пять вражеских танков бросились на командный пункт части майора Бабаджаняна. Майор Бабаджанян, старший политрук Скирдо, младший политрук Черныш, старший лейтенант Близнюк и горстка подоспевших к ним красноармейцев, быстро сгруппировавшись, противостояли танковому набегу. Против огнеметных танков врага были пущены бутылки с горючим, связки гранат, огонь автоматов. Изба командного пункта сгорела, но ни один командир не погиб. Фашисты же расплатились за свой набег пятью сгоревшими вместе с экипажами танками.

Майор Бабаджанян — всегда на самых опасных местах, на передовой линии боя. Бойцы и командиры подразделений в момент самых горячих схваток грудью встают на защиту своего любимого командира.

Немцы пытались сломить наших бойцов «психической» атакой. Из-за лесной опушки они вышли с автоматами и винтовками наперевес и, когда дистанция уменьшилась, открыли огонь. Наши бойцы залегли. За пулемет лег и командир части. Вражеские пули застучали по щитку пулемета, жизнь Бабаджаняна была в опасности, но политрук Локтионов метким огнем защитил своего командира. Его выстрелы сразили двух вражеских автоматчиков, целивших в Бабаджаняна.

Защита командира в бою — святой закон в дивизии...»

— И я не верю, что фашистский солдат мог бы совершить подобное тому, что совершил Александр Матросов или, скажем, старшина Михаил Пивовар, когда мы форсировали Варту, — продолжает маршал.

...Чтоб упредить противника, помешать ему организовать оборону на реке Варте, танки корпуса полковника Бабаджаняна на подручных средствах переправляются на другой берег. И сразу — в бой.

Танковый экипаж командира батальона капитана В. Бочковского расстрелял все боеприпасы. Комбат выпрыгнул из машины и повел в атаку на окопы противника экипаж и мотопехоту.

Механик-водитель М. Пивовар заметил, что на комбата навел пистолет немецкий офицер. Старшина в мгновение ока понял, что капитана можно спасти только одним способом,— и он, не задумываясь, тут же прикрыл комбата собственным телом...

— Ему двадцать два года от роду было,— с горечью произносит Амазасп Хачатурович.

— Но ведь находились и в армии фюрера преданные своим командирам солдаты,— пытаюсь я не согласиться.— До фанатизма...

— Может, и находились,— спокойно отвечает маршал, но тут же резко возражает: — Что же, разве тебе надо объяснять разницу между фанатизмом одиночек и массовым героизмом?

И он снова берет в руки книгу Гудериана «Воспоминания солдата».

— Величает себя «солдатом», а нигде не описывает подвиги солдат или чего-либо напоминающего массовый героизм.— И запальчиво продолжает:— Отдаю должное Гудериану — объективно пишет. Объективно потому, что и не было такого в захватнической армии фюрера. Не могло быть по ее природе...

И иронически добавляет:

— А то бы Гудериан не преминул бы о нем сказать, ведь он «не страдает недооценкой германского солдата».

В сорок первом, размышляя над тем, что же главное по самому большому счету — танки или люди, Бабаджанян получил первый предметный урок. Не опасющийся парадоксов, он теперь говорит:

— Этот урок преподнес мне сам Гудериан. Лично.

Впрочем, если разобраться, вовсе не такой уж это парадокс.

...В сорок первом И. С. Конев послал Бабаджаняна и еще двух командиров на станцию Лиозно в Витебской области, чтоб ликвидировать образовавшуюся «пробку», — там скопилось много эшелонов с беженцами из западных областей.

Налетели «юнкерсы». Сбросив свой бомбовый запас, они на бреющем полете добивали людей из пулеметов.

В полдень на станцию ворвались танки с крестом на броне, танки генерала Гудериана. Они обрушились на «врага». Только «врагом» Гейнца Гудериана, боевого генерала и ученого-теоретика, командовавшего этой танковой армией, были... женщины и дети.

— Славно добил генерал Гудериан своего «противника», — саркастически добавляет Бабаджанян. — Послушать его: один Гитлер во всем виноват, а он — «рыцарь», всегонавсего «солдат», «рыцарски честный» солдат, он тут ни при чем. А когда в сорок четвертом фашисты варварски разрушили Варшаву, камня на камне не оставили от этого красавца города, кто тогда возглавлял генеральный штаб сухопутных войск вермахта? Разве не Гудериан?.. Варварство и рыцарство — совместимы? Вот тот урок, который мне Гудериан преподнес лично.

— Что мы тогда, я и мои товарищи — два других командира, которые были со мной под Лиозно, — пережили, трудно представить. Скажу лучше, что я тогда подумал: военный человек должен быть рыцарем. Старое это слово, жаль, что люди от него отвыкли. Но точное, точнее не придумаешь. И вот подумал я тогда: рыцарь ты или нет, это не только тем определяется, насколько ты храбрый человек, но еще и тем, какому делу служишь. Нет, Гейнец Гудериан, военачальник и ученый теоретик — генерал Гитлера. Фашистский генерал. Не рыцарь, нет...

Мы работали с маршалом над его мемуарами долго. И на протяжении всех лет имя Гудериана нет-нет, а всплы-

вало вновь и вновь. Он спорил с ним, но внимательнейшим образом выуживал из его работ все, что могло хоть сколько-нибудь быть полезным. Он заставлял меня читать гудерияновские книги, и у меня непроизвольно возникала потребность сопоставить эти две личности — двух теоретиков и практиков — с учетом, разумеется, разницы их воинских должностей в период войны. Но прежде всего — двух личностей: ведь когда мы встретились, мой собеседник был уже, как он сам себя в шутку называл, «главным советским танкистом». Кто выигрывал в этом сопоставлении, читатель может сказать загодя, еще не дочитав до конца эту книжку, но писалась она, чтоб ответ его не был односложным...

«КРИТИЧЕСКИ ОСМЫСЛИ — ВОЗЬМИ НА ВООРУЖЕНИЕ»

Он был удивительно упрямым, тридцатичетырехлетний полковник Бабаджанян. Упрямым — в смысле упорным. Пехотинцу, неожиданно переведенному в танковые войска, ему предстояло возглавить механизированную бригаду, но прежде он должен был выучиться танковому делу сам.

Да так, чтобы не только не прослыть невеждой, случайным человеком, а стать знатоком танкового дела. А ведь начинать надо было, что называется, «от нуля». Да, он умел водить автомобиль, но танк — не автомобиль, и несколько часов в танке, когда пот заливает глаза из-под шлема и чувствуешь себя мешком с костями, которым бьют о железные стенки,— это, прямо скажем, серьезное испытание воли.

Но он установил жесткое расписание занятий и назначил себе учителей — своего зампотеха и старшину-водителя командирского танка — и строго спрашивал с них, если они делали хоть малейшую поблажку своему ученику.

Ему повезло — 3-й мехкорпус, в который входила его бригада, пока что стоял, готовился к отправке на фронт. Полтора месяца — каждый день по восемнадцать часов работы и учебы, и вот уже зампотехи полков жалуются на придиричивого комбрига: «Выучили на свою голову...»

Вскоре 3-й мехкорпус вошел в одну из впервые формируемых танковых армий.

Здесь следует объяснить, зачем у нас создавались такие крупные объединения бронесил, как танковые армии, ибо использование и применение их — проблема, занимавшая внимание Главного маршала бронетанковых войск

А. Х. Бабаджянна долгие годы, в том числе и те, когда он был начальником танковых войск Советской Армии.

Проблема создания подобных крупных организационных структур советской военно-теоретической мыслью ставилась еще задолго до войны. Речь шла о том, что такое мощное и эффективное оружие, как танки, следует использовать двояко: танки НПП — непосредственной поддержки пехоты — и танковые массы, назначение которых брать в клещи вражеские боевые порядки, вклиниваться, вкочлачиваться в оборону противника, обходить его города, замыкать их в тиски, решать не только тактические, но порой и стратегические задачи.

Другое дело, что к началу войны у нас было недостаточно боевых машин, чтобы думать о создании подобных боевых структур.

Но к концу 1942 года рост производства танков позволил приступить к формированию танковых и механизированных корпусов и танковых армий, сыгравших впоследствии важную роль в разгроме немецко-фашистского вермахта.

Командующим 1-й танковой армией был назначен М. Е. Катуков. Под его руководством А. Х. Бабаджян начал служить в танковых войсках, долгое время командовал бригадой и по справедливости называл его одним из своих «профессоров по танковому делу».

Сформированная Катуковым танковая армия поначалу была передана Северо-Западному фронту, участвовала в боях на Демянском выступе, а потом, в связи с осложнившейся обстановкой на Воронежском фронте, была перебросена в район Курска и стала участницей крупнейшей в истории танковой битвы на Курской дуге.

О Курской дуге написано много, о подвиге советских войск на этом участке фронта сложены уже легенды, и трудно не повториться.

...Несут потери гитлеровцы, но не унимаются. Кое-где им удается прорвать наши боевые порядки. Ринулись они и на командный пункт полковника Бабаджяна.

И тут не выдержало сердце горца. Бабаджанян прыгнул в окоп, выхватил у кого-то из бойцов связку противотанковых гранат, швырнул ее в «тигра» — «тигр» вспыхнул как факел...

Я узнал об этом из воспоминаний соратников маршала уже после его кончины. Сам он, рассказывая о своем участии в Курском сражении, не упоминал этого случая, предпочитал рассказывать о том, как подбили «тигров» лейтенант И. А. Никитин или сержант И. Т. Зинченко, бросившийся со связкой гранат под танк и посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза.

Он не хотел, чтоб его личному мужеству было посвящено много места в мемуарах, не принимал моих предложений по этому поводу, и сейчас, готовя книжку о нем, мне пришлось добывать сведения из других источников. Их накопилось немало, и можно бы и дальше повествовать о личной его храбрости. Но мне кажется, что при всем восхищении личными подвигами полковника Бабаджаняна в Курском сражении современный читатель предпочел бы узнать, какие выводы из этой битвы для нынешней стратегии по вопросу использования в ней такого грозного оружия, как танки, делал маршал Бабаджанян — начальник танковых войск Советской Армии вплоть до того дня, когда ушел из жизни. Взгляды человека — это ведь неотъемлемая часть его портрета.

...Писалась глава мемуаров, посвященная Курской дуге. Просит приехать к себе домой.

— Я не писатель, дома за письменным столом сидеть не люблю...

Книги вокруг: на журнальном столике, на ручках кресла, на полу. Две раскрыты: «Утерянные победы» Э. Манштейна и «Война и мир» Л. Толстого.

— Не удивляйся, неожиданные совпадения обнаружил. Слушай внимательно: — «Солдаты! С сегодняшнего дня вы становитесь участниками крупных наступательных боев, исход которых может решить войну...» Это из обра-

щения Гитлера к своим войскам 4 июля, накануне Курской битвы. А теперь другое: — «Воины! Вот сражение, которого вы столько желали. Победа зависит от вас...» Это — начало приказа Наполеона перед Бородином. Так свидетельствует Толстой. С юности люблю эту книгу. Еще курсантом военной школы прочитал... А время от времени возвращаюсь к ней: мудрая, действительно мудрая книга. Смотри... — И он опять берет томик Толстого:

— «Некоторые историки говорят, что Наполеону стоило дать свою нетронутую старую гвардию для того, чтобы сражение было выиграно. Говорить о том, что было бы, если бы Наполеон дал свою гвардию, все равно что говорить о том, что бы было, если б осенью сделалась весна».

— А теперь смотри, что пишет генерал-фельдмаршал Манштейн. Он, между прочим, командовал под Курском группой армий «Юг», то есть был тем самым конкретным противником, с которым дралась наша 1-я танковая. Во всем винит Гитлера, который, дескать, не сделал всего, чтобы предпринятый ими «упреждающий» удар удался. Обрати внимание, как пишет: «Если бы нам удался этот удар, если бы были уничтожены отрезанные на Курской дуге войска противника и, кроме того, в этом сражении была разгромлена значительная часть его оперативных резервов, то тем самым был бы сделан первый шаг для достижения столь желанного ничейного исхода войны...»

Маршал откладывает книгу, ждет моей реакции:

— Ну? Похоже? «Если бы», «если бы»... Чего уж теперь ему остается — только сокрушаться об «утерянных победах». Нет, осенью не делается весна, господин фельдмаршал, как Толстой говорит. А дальше-то, дальше что Толстой пишет: «Не Наполеон не дал своей гвардии, потому что он не захотел этого, но этого нельзя было сделать. Все генералы, офицеры, солдаты французской армии знали, что этого нельзя было сделать, потому что упавший дух войска не позволял этого». И еще. Употребляет Толстой по поводу русского войска выражение «нравственное превосходство».

Вот о нем, уже в связи с нашими боями в Курской битве, я тебе расскажу...

Как всегда, делая ставку на супероружие, Гитлер рассчитывал выиграть и это сражение своими новыми танками. Их теперь у него целый «зверинец», шутит Бабаджанян, — новые тяжелые танки «тигр» и «пантера», самоходное орудие «фердинанд». Они не превосходили по своим качествам советские тяжелые танки КВ, но к началу Курской битвы у нас было мало КВ, зато были испытанные «тридцатьчетверки», обладавшие большой маневренностью и способные навязывать «тиграм» и «пантерам» ближний бой.

Однако «тигры» были опасным противником, и гитлеровцы всячески стремились к тому, чтобы весть об их появлении вызвала панику среди советских солдат. Еще бы: 88-миллиметровая пушка и два пулемета, лобовая броня — 10 сантиметров и весит 60 тонн. Поди попробуй выступи против него с противотанковым ружьем, если эту броню даже противотанковой пушке не пробить. Есть чего опасаться!

Но опасения опасениями, а сражаться с «тиграми» надо. А для этого следует развеять миф о неуязвимости «тигров» и «пантер». На собственном примере командный и политический состав учит солдат, что бороться с «тигром» человек может даже один на один. Лишь бы нервы твои выдержали, а окоп — надежное укрытие. И еще — есть так называемое «мертвое» пространство: метрах в десяти от брони пушка и пулеметы танка не опасны, они так расположены, что не могут обстреливать это пространство.

Большую работу вели политработники. Все это вместе и составляло ту морально-психологическую подготовку, которая и привела к тому, что «нравственное превосходство» оказалось на стороне советских войск.

— И глубоко прав маршал П. А. Ротмистров, — замечает Амазасп Хачатурович, — когда говорит, что каждый солдат, который сражался на рубежах Курской дуги, — уже герой. Не знаю ни единого случая, чтобы солдат без приказа

сделал хоть шаг назад. Очень изменился наш солдат сорок третьего по сравнению с бойцом сорок первого. Появились мастерство и стойкость, упорство и уверенность.

...Враг упрямо лезет вперед. В орбиту боя втягиваются все новые части. Где-то танки противника прорвались через первые траншеи нашей пехоты, перевалили через них, углубились в нашу оборону. Кажется, ничего живого не осталось в этих траншеях.

Но чуть только вражеские танки ушли вперед, траншеи ожили, в них поднимаются бойцы и снова ведут бой с вражеской пехотой, наступающей под прикрытием этих танков.

А битва все шире по своим масштабам, все ожесточеннее, особенно на направлении, которое обороняют части 3-го мехкорпуса, в который входит и бригада Бабаджаняна, сюда наступают главные силы вражеской танковой группировки. Но танковый кулак врага наталкивается на крепкую преграду...

Да, не зря Курскую битву часто называют «танковой».

Бабаджанян так объяснял это. Под Курском была окончательно похоронена немецко-фашистская концепция, согласно которой одними лишь подвижными войсками можно решать на войне все задачи. Советская военная школа утверждалась в мысли, что окончательная победа достигается лишь совместными усилиями всех родов войск. И в то же время на различных этапах всех битв и сражений, в системе взаимодействия различных родов войск всегда выделялось ведущее звено, на которое возлагались наиболее ответственные задачи. Бронетанковые войска в минувшую войну часто становились таким ведущим звеном. Особенно характерна в этом отношении Курская битва.

Возвращенный из опалы и назначенный генеральным инспектором бронетанковых войск, Г. Гудериан включает здесь в состав своих ударных группировок до 70 процентов всех подвижных соединений, действовавших на советско-германском фронте, причем лучшие — танковые дивизии

СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», моторизованную дивизию «Великая Германия».

В свою очередь советское командование противопоставляет врагу все пять танковых армий, имевшихся в то время в его распоряжении, 15 танковых и механизированных корпусов...

С обеих сторон для участия в Курской битве было выставлено более 13 тысяч танков и самоходных орудий! Чтоб судить о том, насколько это много, достаточно узнать, что такого скопления техники не было в мировой истории.

Опыт Курской битвы учит умению видеть главное и выделять ведущее звено. Непосредственное участие в сражениях на Курской дуге, их последующее изучение и анализ укрепляли Бабаджаняна в убеждении, что танки сохраняют свою выдающуюся роль в системе вооруженных сил.

«Советское военное искусство,— писал Главный маршал бронетанковых войск А. Х. Бабаджанян,— как и прежде, признает за танковыми войсками роль главной ударной и маневренной силы сухопутных войск».

Забота о дальнейшем совершенствовании боевых машин, идейно-политической и профессиональной подготовке советских танкистов была делом и уделом всей жизни маршала.

Я не случайно написал «уделом жизни» — это была, прямо скажем, тяжелая работа, требовавшая не только отдачи душевных и физических сил, всех, без остатка, но и глубокого, тщательного изучения боевого опыта своего рода войск, опыта, который становился уже историей.

Историей, которую нельзя было забывать, а следовало изучать и анализировать всесторонне, уметь на нее взглянуть глазами сегодняшнего дня, чтобы по крупинкам вычленил все то, что могло еще пригодиться, что следовало сделать достоянием советской военной науки.

Для этого надо столько перечитать — причем не только советских авторов — специалистов, но и противников, и союзников, увы, теперь уже бывших союзников. А времени

у него так мало. Но он читает — без этого невозможно оставаться на современном возросшем уровне, — читает по ночам, в редкие свободные воскресные дни, в купе поезда, в кабине самолета. Читает К. Типпельскирха, Э. Манштейна, Г. Гудериана, Дж. Фуллера... И непонятно, когда успевает прочесть все в художественной литературе, что касается Великой Отечественной, особенно танков...

Собственные мемуары уже были надиктованы, когда вышел в свет роман Анатолия Ананьева «Танки идут ромбом». Он позвонил по телефону в поздний час:

— Читал? Извини, надеюсь, еще не спишь. Ананьева, говорю, читал? Хорошая книга. Правду пишет про Курскую дугу. Все как было. Я сам видел, как в занесенную для броска бутылку с зажигательной смесью угодила пуля, жидкость вспыхнула и пролилась на солдата, его обьял огонь, он с другой бутылкой в руках бросился под вражеский танк... А вот подробности про Манштейна я впервые узнал из этой книги... Да, понимаю, это — роман, художественное произведение, но ведь приведен исторический факт, такое романист придумать не может... Да и ссылается сам на немецких мемуаристов.

Он имел в виду такой упомянутый у А. Ананьева факт: ездил Манштейн перед Курской битвой в Берлин оперировать гланды (!), болело потом у него горло во время Курского сражения, и, дескать, как полагали мемуаристы, это помешало ему достичь победы.

— Выходит, и я правильно поступил: в одной своей статье о Курской битве, возражая Фуллеру, вспомнил, как еще Лев Толстой посмеялся над историками, которые говорят, что Бородинское сражение не было выиграно потому, что у Наполеона был насморк... И что тот камердинер, который забыл подать Наполеону непромокаемые сапоги, был спасителем России... Нет, господа, осенью не делается весна!

И он смеется, довольный тем, что давно уже привлек Толстого себе в союзники в ожесточенных спорах, которые

вел с авторами зарубежных трудов по истории второй мировой войны...

В частности когда писал о Курской битве. В этой «битве века» было два этапа — оборонительный и наступательный. Анализируя их как танковый военачальник, маршал уделил самое пристальное внимание использованию в обеих фазах этого сражения таких крупных войсковых объединений, как танковые армии. Оборонительная часть Курской битвы во многом обогатила советское военное искусство, особенно по вопросам применения в обороне крупных танковых масс. Причем, писал он, обогащению служат и недостатки, имевшие место при использовании крупных масс бронесил, если их критически осмысливать...

Это было его непреложным требованием к подчиненным, и прежде всего к самому себе: «Критически осмысли — возьми на вооружение».

Критическому осмыслению он подвергал и начальный период наступательного этапа Курской битвы.

Впервые здесь, на Воронежском фронте, на белгородско-харьковском направлении был применен ввод в прорыв крупных подвижных объединений при наступлении. В штабах танковых армий и корпусов еще не было достаточного опыта форсирования водных преград, не хватало инженерного обеспечения. И крохотная речушка чуть не поставила под угрозу срыва всю операцию: 1-я танковая армия на день позже необходимого срока переправилась через речку Ворсклу, не смогла поддержать 5-ю гвардейскую танковую армию, прорвавшую оборону противника, и та вместо дальнейшего продвижения вперед вынуждена была перейти к отражению ударов подошедших резервов противника.

Бабаджанян утверждал: эти бои поучительны — они снова продемонстрировали главное назначение танковых армий — глубокое вторжение в оперативную оборону противника с целью ее дезорганизации. Поставленные же совместно с общевойсковыми соединениями на длительное прогрызание отдельных узлов и рубежей сопротивления, они

не могут использовать до конца свою ударную и маневренную силу.

Он подчеркивал: решение задачи развития успеха наступления наших войск в Курском сражении на всех его этапах зависело от стремительности вклинения танковых масс в глубину обороны врага, а успех действий танковых объединений и соединений в оперативной глубине решающим образом зависел от организации и поддержания взаимодействия с войсковыми объединениями и соединениями.

— Но ведь все это было, а сейчас не та пора, не та техника.

Маршал словно ждет этого возражения. Он объясняет, что Курская битва приближается к современным представлениям о крупной военной операции — по характеру, насыщению техническими средствами, особенно танками, разнообразию форм их применения, возникающим ситуациям.

НАЧАЛЬНИК ГАРНИЗОНА

...А война продолжалась. Только направление стрел на картах изменилось: наступали наши. «Вперед, на запад!» — молчаливо повторяли карты лозунг, тысячеустно повторяемый в грохоте атак советскими воинами.

Они уже за Днепром. Без торжественных церемоний и без приглашения гостей, как это сделал в сорок первом Гудериан, советские полководцы форсируют Днепр. Советские воины вышвыривают оккупантов с Правобережной Украины.

Они входят сюда как хозяева. Застав испепеленный отступающим противником край, в короткие сроки своего пребывания успевают организовать мирную жизнь населения.

Вместе с другими частями 1-й танковой армии 20-я, уже гвардейская, мехбригада полковника Бабаджаняна в последние дни 1943 года вышла на подступы к важному узлу железных и шоссейных дорог, идущих на Винницу, Фастов, Киев, Днепропетровск, — Казатину.

У села Чернорузка бригада Бабаджаняна и 1-я гвардейская танковая бригада полковника В. М. Горелова в ходе короткого, но стремительного боя наголову разбили два вражеских мотополка, захватили огромное количество техники, артиллерии, минометов, автомашин, самоходных орудий. Основные силы бригад выскочили к южной окраине Казатина.

Были захвачены склады провианта — база снабжения южного крыла армий противника: сахар, яйца, сыр, сардины и прочее. Все это очень пригодилось начальнику гарнизона Казатина полковнику Бабаджаняну и военному коменданту,

командиру 69-го гвардейского танкового полка подполковнику И. Н. Бойко — было чем накормить мирных жителей: гитлеровцы, отступая, в лютой злобе спалили все их запасы.

Предметом особой заботы советских офицеров стали спасенные от смерти советские люди, которых гитлеровцы загнали в эшелон и хотели сжечь заживо. Эшелон отбили с небольшой группой бойцов старший лейтенант В. Н. Подгорбунский и старшина М. И. Бушилов — их представили к званию Героя Советского Союза. Спасенных надо было не только накормить, но и дать им кров, в городе следовало навести порядок и поддерживать его до восстановления гражданских органов власти.

Все это, конечно, далеко не просто для строевых офицеров, боевых командиров. Но они — представители Советской Армии, и этим все сказано. Тем более что народ встречал их как своих освободителей со слезами радости на глазах.

Дел у начальника гарнизона было предостаточно. Противник в бессильной злобе из-за потери Казатина решил смести город с лица земли дальнобойной артиллерией, снаряды ложились прямо по центру города. Пришлось срочно выводить войска, эвакуировать часть населения.

Вскоре противник был отброшен, и артобстрел прекратился. Жизнь в городе, впрочем, еще не скоро вошла в нормальную колею. Я попал в Казатин в первые дни весны сорок четвертого. Советские танковые части уже давно покинули его и вели бои где-то на подступах к Днестру, а Казатин по-прежнему оставался важным железнодорожным узлом, через который шли эшелоны к передовой. Гитлеровцы знали это, и их авиация нещадно бомбила многострадальный городок. Наш зенитно-артиллерийский полк был поставлен на противовоздушную оборону Казатина. Война для Казатина продолжала оставаться зримой конкретностью.

Заградительный огонь, который вел наш полк, не в состоянии был удержать тучи гитлеровских бомбардировщиков, с методической точностью еженощно обрушивавших

на железнодорожную станцию, а заодно и на жилые кварталы сотни бомб — фугасных, зажигательных, осветительных. Последние призваны наводить трепет на мирное население: горит ярким пламенем термит и медленно опускается с неба на парашюте, ты — как на тарелке.

Но паники в городе не было. Действовал строгий порядок, заведенный первым комендантом Бойко и еще «более главным полковником» — местные жители говорили: «...фамилия такая трудная...»

Какая она, эта «трудная фамилия», я узнал спустя четверть века и еще раз пожалел, что зенитчикам не дано угнаться за танкистами...

— Не горюй,— сказал Амазасп Хачатурович,— победу добывали все рода войск... Хотя, конечно, жаль, что не свели нас раньше фронтовые дороги,— ты бы лучше про подвиги танкистов написал.— С усмешкой добавил: — Ничего не поделаешь, я патриот своего рода войск.

И он с восторгом рассказывает, как, миновав Казатин, в районе Бердичева танкисты полковника И. И. Гусаковского, воспользовавшись темнотой, пристроились к отступавшим фашистским танкам, которые вражеский гарнизон пропускал через минные поля, и вместе с ними вошли в город. Сея страх и панику, овладели центром Бердичева и заняли круговую оборону. Всего-навсего два батальона. Пять суток они героически сражались, окруженные врагами со всех сторон, вплоть до прихода частей 38-й армии. Здесь, в окружении, партийные и комсомольские организации батальонов получили 89 заявлений с просьбой принять в ряды партии и комсомола...

Всего неделю пребывал полковник Бабаджанян в роли начальника гарнизона Казатина — танкисты стремительно шли вперед, на запад. Принимая участие в Житомирско-Бердичевской наступательной операции, продвигались, подавляя яростное сопротивление противника, по 17—18 километров в сутки, а в иные дни — даже по 50—60 километров!

44-я гвардейская бригада
на марше

Но дни, проведенные в этой должности, знаменательны для биографии нашего героя. Он принадлежал к тем, кто стал военным, чтобы на свете был мир, чтобы спокойно жилось мирным людям. И, наверно, поэтому долго помнили жители Казатина смуглого молодого полковника, к которому, не смущаясь, могла обратиться старушка с просьбой помочь подправить хату, грозившую рухнуть после очередной бомбежки, или другая — дать солдатиков креницу раскопать, которую засыпало.

Память моя восстановила услышанное еще в 1944 году от жителей Казатина про «смуглого полковника», совсем недавно, когда, работая над этой книжкой, я решил побы-

вать на военных маршрутах А. Х. Бабаджаняна. Не скрою, что в Казатин меня потянуло не только поэтому...

Город нельзя было узнать. Я не нашел здесь места, где стояла наша зенитная батарея,— все было застроено новыми жилыми домами. И вдруг вывеска: профтехучилище имени дважды Героя Советского Союза И. Н. Бойко.

Амазасп Хачатурович рассказывал, что, назначенный военным комендантом Казатина, Бойко явился к нему:

— Обращаюсь к вам как к начальнику гарнизона города Казатина. Я танкист. Могу танк водить, могу немцев бить, могу, наконец, полком командовать. А не со старушками иметь дело... Официально заявляю: не справлюсь я с обязанностями коменданта. Освободите. Я строевой командир.

— А я, по-твоему, из интендантов? — спросил Бабаджанян.

Бойко смутился. Не дав ему опомниться, Бабаджанян продолжал:

— Люди тут. Понимаешь? Наши люди. Кто им кров даст и хлеб? По-твоему, если танкист, так тебе, кроме танков, ни до чего дела нет?!. Понял?

Иван Никифорович понял.

Когда в сорок пятом корпус Бабаджаняна дрался в Берлине, произошло курьезное происшествие. Солдаты на Ангальтском вокзале захватили множество железнодорожных эшелонов. Один из них был целиком набит шоколадом в плитках. И тут не выдержало солдатское сердце — стали раздавать шоколад голодной берлинской детворе. Однако не только взрослое население, даже дети были запуганы нацистской пропагандой, грозившей, что «русские будут мстить» всем без разбора. Но, войдя в Берлин, чтоб покарать фашистов, советский солдат вошел и затем, чтоб освободить от фашизма немецкий народ. И вот специальные команды советских воинов спасают мирное население из-под обломков разрушенных домов, воинские походные кухни раздают голодным берлинцам солдатские щи да кашу. Раз-

дают солдаты и захваченный шоколад. Но испуганные малыши прячут за спину руки. Чтобы дети не боялись, солдаты отламывают от каждой плиточки по кусочку, отправляют себе в рот, хотя было строжайше запрещено пользоваться трофейными продуктами — они могли быть отравлены.

Комкору спустя несколько часов докладывают, что у некоторых солдат явные признаки отравления — тошнота.

— Немедленно сжечь этот эшелон! — приказывает Бабаджанян. — Виновных в нарушении приказа строго наказать... Хотя нет, — он вдруг задумывается. — Наверно, они просто слишком много плиточек перепробовали — слишком много в Берлине голодной ребятни... Отставить наказание!

«Если хочешь не знать страха — не чини зла...» Это было выписано его рукой в тетрадь афоризмов, про которую знали сослуживцы и иной раз снисходительно подтрунивали над этим его увлечением.

Он знал об этом, но не изменял своей привычке долгие годы. Просто записывал человек мысли, которые покоряют своей глубиной и при этом отлиты в предельно лаконичную форму. А стремление к лаконизму, к простоте и ясности всегда было присуще ему самому, военному человеку.

«НЕТ, ПОБЕДИТЕЛЕЙ СУДЯТ»

Вот еще запись из этой тетради, с пометкой, откуда взято, — «Кабус-Намэ», Издательство восточной литературы, 1958 год: «Людей, лишенных достоинств, не считай живыми».

Он не прощал людям трусости, лихоимства, угодничества, но полагал, что люди есть люди и им свойственно ошибаться, важно только, чтоб они умели признавать свои ошибки и стремились исправлять их. Это определяло его отношение к подчиненным, в каждом он хотел прежде всего разглядеть присущие ему достоинства и помочь с наибольшей силой выказать их на деле.

Субординацию следует соблюдать неукоснительно — таков закон армейской службы, — но она не должна заслонять начальнику человека в подчиненном. В этом смысл дисциплины нашей, советской, в том, что она — сознательная дисциплина. Именно это ее качество отличало нашего солдата от солдата фюрера и способствовало массовому героизму на фронтах Великой Отечественной.

Командовать на войне — это прежде всего командовать людьми. На войне не обойтись без жертв. Но за жертвы эти ответствен командир. И слишком велика его ответственность. В сентябре сорок первого под Ельней стрелковый полк майора Бабаджаняна был передан во временное подчинение командиру танковой дивизии. Комдив не пожелал слушать никаких доводов, никаких резонов — требовал выполнения своего распоряжения во что бы то ни стало. Приказ есть приказ, и он был выполнен — Ельня отбита у противника.

В освобождении Ельни принимал участие сводный отряд под командованием майора Бабаджаняна. Благодарные ельнинцы впоследствии удостоили его звания почетного гражданина города. Но тогда, изгнав врага из города, «считать мы стали раны, товарищей считать»... Да, это была победа, но достигнуть ее можно было не столь дорогой ценой — слишком многих недосчитались в стрелковых батальонах после боя. С горечью пришел к такому выводу командир сводного отряда майор А. Х. Бабаджанян.

Тем не менее комдив тогда обронил:

— Молодец, победителей не судят.

Четверть века спустя, перелистывая свою тетрадь афоризмов и наткнувшись на этот, Амазасп Хачатурович резко замечает:

— Всегда был мне не по душе этот афоризм древних. И кажется, не я первый беру на себя смелость опровергать его. Победителей судят. Судят дважды: современники — однополчане тех, кто полег; история — в назидание тем, для которых цель оправдывает средства, сохранившая воспоминания о пирровой победе. Но первый суд, суд однополчан, может быть, самый суровый, ибо он требует ответа за человеческие жизни. Тот, кому они доверены, имеет право рисковать и жертвовать ими гораздо меньше, чем своей собственной. И потому обязан всегда, и при всех обстоятельствах, и во имя любой цели руководствоваться единственной мыслью: а все ли я сделал, чтобы избежать этих жертв. Мне, военному, кажется, что это непреложное требование, ибо оно вытекает из нашей коммунистической морали.

Знаю, что Бабаджанян всегда произносил «победителей не судят» с иронией и даже осудительно. Рассказывал мне об этом И. И. Гусаковский, в войну командир бригады, входившей в 11-й гвардейский танковый корпус Бабаджаняна. Части бригады Гусаковского — передовой отряд корпуса — вели успешное наступление. Но вот на пути быстро продвигающихся танков — лощина, по которой протекает

глубокий ручей. Преодолеть ее танки могут только через небольшой мост. Но на противоположном склоне лощины — артиллерийское орудие противника. Снаряды рвутся то с одной стороны моста, то с другой. А мост — как заговоренный — стоит себе как ни в чем не бывало. И так велик соблазн перемахнуть через него — просто сил нет! А тут еще командир батальона: «Разрешите, товарищ комбриг, разрешите — целый же мост! Мои ребята его в два счета проскочат. Разрешите!» Не устоял Гусаковский, разрешил. Рванулись танки. Только выскочил первый на мост — прямое попадание, вспыхнул. Но уже не остановишь — вслед за ним на мосту второй. И снова эта чертова пушчонка подбивает его. Попадание в гусеницу, танк закрутился на месте, свалился с моста. А вот и третий. И тут немцам удается угонить в самый мост — танк проваливается в воду.

Возмездие, однако, наступает — орудие противника взлетает вверх и разваливается на куски от прямого попадания нашей авиабомбы. Но поздно: три танка подбиты, погибло восемь человек. Однако танки бригады все-таки на противоположной стороне лощины. Наступление продолжается.

Гусаковский докладывает комкору.

Бабаджанян в ответ хмурится:

— Победа, говоришь... А победителей, мол, не судят, да? Это хочешь сказать? А почему, прежде чем отдать приказ на преодоление лощины, не принял мер, чтоб подавить орудие противника? Из-за одной несчастной пушечки сколько людей положил... Эх, Ираклиевич! Теперь их матерям напишешь: «Погибли смертью храбрых», да? Если эти матери узнают правду, они тебе что скажут? «Победителей не судят»?

Иосиф Ираклиевич Гусаковский запомнил этот случай на всю жизнь — вот и сейчас вспоминает, спустя столько лет.

Перелистываю бабаджаняновскую тетрадь афоризмов. Подчеркнуто красным карандашом: «...разгляди свое лицо в

зеркале чужих». В воспоминаниях члена Военного совета 1-й танковой армии Н. К. Попеля можно встретить: «Армо прямо горел, рассказывая о подвигах своих людей». Это о нем. По-настоящему его неполное имя Амо, но армейцам привычнее было «Армо». Кто-то однажды так произнес, так и пристало навсегда.

Командующий 1-й танковой М. Е. Катукوف пишет, как Бабаджанян вместо того, чтоб доложить, что самолично поджег вражеского «тигра», возбужденно докладывал: «Танкисты дрались, как звери». Когда же о его героизме доложили командующему, он прямо вскинулся:

— А что, по-вашему, я должен был делать?! Стоять и смотреть, как в театре?

Командарм прервал его тогда:

— Ну-ну, Армо, не скромничай. Все знают, что в храбрости тебе не откажешь.

Его любили в 1-й танковой за храбрость, всегда готовы были прийти на помощь, по-братски выручить. Он отвечал дружбой, настоящей, мужской дружбой, которую умел беречь и проносить через годы, через расстояния.

Удивительно трогательная дружба связывала его с командиром танковой бригады Владимиром Михайловичем Гореловым.

— Не могу говорить о гибели Володи без спазм в горле... Погибнуть в самом конце войны — так нелепо! Нет для меня ничего священнее боевого братства, опаленного войной... Жизнью своей ему обязан...

По пути в Чортков «виллис», в котором ехал Бабаджанян, нарвался на два немецких бронетранспортера. Шофер тормознул. В первое мгновение все даже растерялись.

— Всем в кювет! — крикнул Бабаджанян.

Бронетранспортеры открыли бешеный пулеметный огонь. Но пулеметные трассы не задевали укрывшихся. Вскоре рядом оказался Горелов в своем командирском танке — с ходу расстрелял из пушки вражеские бронетранспортеры.

— Спасибо Володе,— говорит Амазасп Хачатурович,— тяжело пришлось бы нам. Он был настоящим военным, что называется «от бога», не погибни, стал бы выдающимся военачальником. Разумеется, это была удача, что рядом оказался Володя. Но еще Суворов говорил, удача — родная сестра умения. Особенно в военном деле. Ну не сумей мы все, находившиеся в тот момент в «виллисе», от солдата до полковника, верно использовать для укрытия возможности местности — и пришел бы нам каюк еще до появления гореловского танка... Воевать — это наука. Не только на уровне командармов, но и на уровне отделенных командиров, сержантов и старшин, которые солдат учат сметке и так называемой солдатской находчивости... У меня на памяти подобный пример солдатской находчивости — вся армия смеялась, вот послушай...

Под Казатином дороге командирскому танку Бабаджаняна преградила большая группа немецких военнопленных.

— Вглядевшись, я разинул рот от изумления — вся колонна двигалась, расстегнув шинели и придерживая руками брюки. Двигалась, едва передвигая ноги,— еще бы, попробуй быстрее в таком положении! Тут ко мне подошел совсем молодой автоматчик и четко доложил:

— Рядовой разведроты Пигарев сопровождает военнопленных в количестве 273 человек.

— А почему они все у вас за штаны держатся?

— Пуговики приказал срезать, товарищ полковник. Так бежать несподручно. Их много — я один.

И маршал смеется так искренне и заразительно, как умеют смеяться люди, которых природа не поскупилась наделить чувством юмора.

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ГЕРОЯ

Прошу Амазаспа Хачатуровича рассказать о своем подвиге, за который его удостоили звания Героя Советского Союза.

— За Днестр,— коротко отвечает он.— Знаешь, когда Днестр форсировали, тот самый Пигарев, что проявил солдатскую находчивость, повторил подвиг Александра Матросова...

И тут же, забыв о себе, говорит о том, как героически, самоотверженно поступил боец его разведроты — заслонил своим телом амбразуру неприятельского дзота, ценой жизни открыл путь товарищам и за это посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, а имя Н. Пигарева навечно занесено в списки Н-ской части.

Мне и на этот раз не удастся вернуть его к рассказу о себе. Позже в рецензиях на книгу его воспоминаний говорилось, что по ним подчас очень нелегко проследить его личный военный путь, зато хорошо прослеживается путь танковых бригад, путь танкового корпуса, биографии танкистов, всюду он скромно, смотрит на себя с чуть иронической улыбкой и как-то незаметно, но неизменно ставит на первый план своих боевых товарищей.

Пусть же о нем скажут другие.

Из статьи А. Корнейчука, В. Василевской и М. Бажана, опубликованной в «Правде» в январе 1942 года после посещения ими стрелкового полка, которым тогда командовал Бабаджанян:

«...Командир части майор Бабаджанян страстно, с пламенем в глазах, рассказывает о своих бойцах и командирах... Но он беспомощно улыбается, когда мы спрашиваем о его собственных делах. Майора выручают боевые друзья. Они

начинают наперебой рассказывать о своем командире,— тогда он как-то незаметно исчезает из комнаты. Образ храброго, пылкого воина возникает из этих рассказов».

Командующий 1-й гвардейской танковой армией М. Е. Катуков, под началом которого воевал А. Х. Бабаджанян всю Великую Отечественную, называя его в своих мемуарах «талантливым танковым военачальником», пишет:

«...Новый комбриг, ставший после войны маршалом бронетанковых войск, показал себя не только смекалистым, прекрасно знающим военное дело командиром, но и человеком исключительной храбрости. В трудные минуты он мог сесть в танк и возглавить атаку, а если нужно, вооружиться противотанковыми гранатами и швырнуть их в прорвавшуюся в тыл гитлеровскую машину. Амазасп Хачатурович Бабаджанян позже в большинстве операций нашей танковой армии назначался мною командиром передового отряда и был удостоен высокого звания Героя Советского Союза».

И хотя отзыв Катукова больше похож на лаконичную служебную характеристику, содержит он очень важную информацию: в большинстве операций Бабаджанян являлся командиром передового отряда. Так было и при форсировании Днестра, после чего на его пропыленной гимнастерке заблестела Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Но прежде чем выйти к Днестру, предстояло взять Чортков.

— Что, Володя, а не перехитрить ли нам немцев? — обратился Бабаджанян к Горелову.

— Излагай, излагай, восточный мудрец, — осторожно протянул Горелов.

— Знаю, что ты меня по любви так прозываешь, — не обиделся Бабаджанян. — Вот какая идея: немножко сил одной бригады — это немного, так?

— Так... — Горелов еще не уловил мысли Бабаджаняна.

— Ну, а немножко сил двух бригад, твоей и моей, это уже — не очень мало, так?

— Дальше, дальше, Армо! — нетерпеливо требует Горелов.

— Володя, по-моему, ты давно понял. Часть сил обеих бригад наступает на восточную окраину города...

— И противник решает, что именно здесь направление главного удара! — догадывается Горелов.

— Всегда говорил: ты все восточные хитрости с ходу разгадываешь. Куда немцам до тебя!

— И главными силами,— восторженно перебивает его Горелов,— мы наносим удар с севера и с северо-востока!

Удар был стремителен, фашисты не успели опомниться, бригады Бабаджаняна и Горелова вышли к реке Серет.

К утру Чортков взят. Но врагу нельзя дать отдышаться, нельзя позволить организовать оборону на Днестре. Танки рвутся вперед. Они на развилке шоссейных дорог Залещики — Устечко. Впереди — Днестр!

Полковник
А. Х. Бабаджаня

Маршал Г. К. Жуков предписывал 1-й танковой армии: «В проводимой операции стремительный выход к Днестру и форсирование его с ходу имеет исключительно важное стратегическое значение, так как этим противник прижимается к Карпатам, теряя пути отхода. Кроме того, вся группировка противника, действующая на Украине, изолируется от сил, действующих севернее Полесья. Помните важность стоящих перед вами исторических задач...»

Танкисты помнили. Первой на всем 1-м Украинском фронте форсирует Днестр 20-я гвардейская механизированная бригада полковника Бабаджаняна. За два часа напряженного боя взяты Залещики. Впоследствии бригаде присвоено почетное наименование «Залещицкая».

Вот он — Днестр. Мосты взорваны отступившим противником. А река вздулась, ревет — вода угрюмая, темная, — обильно в эту весну выпадали дожди и таяли снега. Ветер порывистый, ледяной. И нет понтонных подразделений. Как переправляться — вот задача, которую надо решить комбригу, решить тут же, без промедления. Он посылает вперед разведроту во главе с «богом разведки» младшим лейтенантом С. Я. Устименко. Бывший матрос, попав в бригаду после ранения, стал сначала командиром взвода разведчиков, потом получил роту. Изобретательный, как истый разведчик, он сколачивает из невесть откуда добытых бревен и досок несколько паромчиков. Этого явно недостаточно. Но Устименко предусмотрителен — еще раньше его люди отбили у противника рыбацкие лодки, которые немцы когда-то отобрали у мирного населения. Однако другой берег — крутой, и враг засел там крепко. Бригадная артиллерия прикрывает переправу разведроты. Но противник свирепствует. Бабаджанян приказывает поддержать разведроту огнем танковых пушек. И вот уже разведчики на другом берегу. Самые первые вместе с Устименко два старших сержанта — А. П. Сеницын и И. Х. Календюк.

— Ай да молодцы! — восторженно кричит Бабаджанян. — К Герою представить всех! Где Кортылев? Ах да, тоже там...

Замкомбрига по политчасти подполковник А. И. Кортывлев в мотострелковом батальоне капитана С. Д. Осипова, что первым из основных сил бригады переправляется через Днестр. Переправа становится возможной, потому что на том берегу вовсю «порезвились» ребята Устименко из разведроты — панику посеяли у противника, деморализовали его. Но чего это стоило! Именно здесь отдал свою жизнь Н. Пигарев. Наступает тяжелый момент. Противник косит цепи батальона Осипова. Батальон держится, и не просто держится — отбивает у врага метр за метром территорию западного берега, чтоб создать плацдарм для переправы основных сил бригады.

В разведке

И тогда не выдерживает сердце комбрига:

— Мне надо там быть, быть с ними!

И, несмотря на возражения своих помощников, Бабаджанян переправляется на другой берег вместе с очередной группой людей батальона капитана Осипова. Гусаковский рассказывает: после боя спросил Бабаджаняна, почему он это сделал, ведь комбригу совсем незачем лезть в самое пекло, надо только управлять боем.

— Понимаешь, боялся потерять много людей,— как бы извиняясь, отвечал Бабаджанян.— А так — был с ними, поддержал...

Сам он предпочитал об этом случае не распространяться. Тем более что звания Героя Советского Союза командиры соединений удостоивались за организацию действий подчиненных им войск — в этом их личный героизм. Но ведь его можно понять — как устоишь в пылу и азарте боя, более того, если твое присутствие вселяет в солдат веру в победу и успех!

...Враг остервенело сопротивляется, его авиация и артиллерия пытаются помешать советским воинам. Но под прикрытием огня мотострелков через брод на правый берег переправляют затем и танки 20-й мехбригады. Днестр преодолен. Рубеж взят.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за героизм и мужество, проявленные при форсировании Днестра, присваивалось звание Героя Советского Союза капитану С. Д. Осипову, младшему лейтенанту С. Я. Устименко, старшим сержантам А. П. Сеницыну, И. Х. Календюку и самому командиру 20-й гвардейской бригады — полковнику А. Х. Бабаджаняну.

На этот раз его бригада оказалась передовым отрядом целого фронта, более того, она входила в одну из танковых армий (рядом с 1-й гвардейской действовала еще и 4-я Д. Д. Лелюшенко), которые наступали в первом эшелоне фронта. В отличие от других операций, где прорыв тактической зоны вражеской обороны производился усилиями

общевойсковых соединений, а танковые армии лишь после этого вводились в прорыв для его углубления, в Проскуровско-Черновицкой операции танковые армии сами, самостоятельно, должны были прорвать оборону и развивать успех на оперативную глубину.

— Но ведь это противоречит тому, что вы говорили раньше,— удивляюсь я.— Тактическую зону обороны противника должны прорывать общевойсковые армии, а танковые — действовать во втором эшелоне, крупные танковые массы должны использоваться для последующего развития прорыва.

— Нет тут никакого противоречия,— спокойно возражает маршал.— В данном случае такой метод был вполне оправдан — соответствовал обстановке, сложившейся на этом направлении. Здесь танковым армиям предстояло прорвать оборону слабую, неглубокую, здесь у противника не было ближайших резервов для парирования их ударов, здесь была реальная возможность прорвать оборону самостоятельно. Действия танковых армий в первом эшелоне предусмотрены советской военно-теоретической школой танководения,— говорит он.— Никакого шаблона! — решительно рубит воздух рукой, словно отделяя друг от друга две точки зрения.— Это теоретической концепции гитлеровского вермахта был присущ шаблон. Нашей военной школе он чужд. Не может быть абсолютных тактических приемов, каждому решению должен предшествовать глубокий и научный анализ всех обстоятельств.

— А полководческое предвидение?

— Не отрицаю таланта, но без научного анализа... Нет, он — такой скрупулезный анализ — определяет успех, в том числе и полководческого предвидения.

В тяжелых боях на Сандомирском плацдарме военная фортуна поначалу не отличалась постоянством. Обстановка накалена до предела. Гитлеровцы окружены, но пытаются контрударами разорвать наше кольцо. 18 августа командарм М. Е. Катукон поручает Бабаджаняну возглавить группу

бригад и организовать оборонительные бои до подхода наших войск. С несколькими командирами Бабаджян отправляется проверять готовность опорных пунктов к отражению атак противника, и неожиданно они натываются на танки противника. Снаряд танковой пушки разрывается в центре группы советских офицеров.

Бабаджян ранен в горло. Рядом, опрокинувшись навзничь, лежит с перебитой ногой комбриг 21-й подполковник И. В. Костюков. Но тут приносят радиogramму от ко-

А. Х. Бабаджян
на командном пункте
корпуса во время боев
за Сандомирский плацдарм. 1944

мандарма: «Наступать на юго-запад». Собрал силы, командир группы организует наступление, сам — в командирском танке вместо наводчика, только что тоже тяжело раненного. В этом же танке — раненый Костюков. Танк обстрелян вражеским артиллерийским орудием, в нем возникает пожар. Все выпрыгивают из танка — тут же замертво падает командир танка, ранен заряжающий. Водитель старшина Л. А. Полторака вытаскивает раненого Костюкова. Оставшиеся в живых ползут в сторону своих. Но свои, видимо посчитав, что здесь все погибли, не оглядываются, продолжают наступать.

И вот они — одни в поле. Бабаджанян приказывает Полтораку отправиться за помощью. Полторака пытается возражать: как он может покинуть комбрига? Но Бабаджанян непреклонен. Когда Полторака уходит, Костюков, с трудом расцепив сжатые от боли челюсти, едва слышно произносит: «Одно прошу: не оставляйте здесь, если надо будет — застрелите...» Больше он ничего не просит.

— Костюков храбрый человек, — говорит Амазасп Хачатурович, — за годы войны я видел людей разных — и храбрых и трусливых. Каков человек — особенно видно, когда он ранен. Трусливые обычно склонны преувеличивать свою боль, свое страдание — жалуются, просят, чтобы их скорее отправили в госпиталь.

— Страх за жизнь?..

— Страх за свою жизнь на войне испытывают все. Но люди смелые и храбрые — люди большого сердца. Такие ощущают страх после того, как опасность миновала. Малодушные — эти дрожат уже в ожидании опасности. А трусость нельзя прощать никому, в каком бы мундире она ни таилась. — Он брезгливо отмахивается. — Неприятно даже вспоминать... Я вот лучше про храбрых...

И с восхищением рассказывает о смельчаках-артиллеристах, которые везли свое 76-миллиметровое орудие из ремонта в арtpолк, по дороге увидели три фашистских танка, притормозили, в упор, как на полигоне, расстреляли все

три и как ни в чем не бывало укатили дальше разыскивать свой родной полк.

Об одном только сокрушался маршал, что не знает дальнейшей судьбы отважных героев. Героев надо помнить. Он помнил. Помнил сотни людей, с кем довелось встречаться на дорогах войны. Искренне, почти по-детски радовался каждому приходящему письму, каждому переданному привету, каждой встрече со старым однополчанином, бывшим своим солдатом. Гипноз больших звезд на его погонах тут же улетучивался, гость забывал, что перед ним маршал, чувствовал лишь, что это увлеченный встречей старый боевой товарищ.

— Негоже забывать друзей. Это — себя не уважать,— говаривал он.

И не забывал. Не гнушался даже студенческой многотиражкой, чтобы поведать молодежи о ратных подвигах тех, кто теперь стал их воспитателями. Так, в многотиражной газете Института народного хозяйства имени Плеханова «Советский студент» вовсе не помпезно, а где-то внизу страницы, как говорится, «на подверстке», тридцать строк с подписью «маршал А. Х. Бабаджанян» под заголовком «Бесстрашный комиссар» о М. П. Скирдо — тогда он был заведующим кафедрой философии этого института — профессоре, заслуженном деятеле науки.

О том самом Митрофане Павловиче Скирдо, с которым они памятной весной сорок второго испытали горечь поражений на миусском направлении.

— Что скрывать — непростая была пора,— говорит Митрофан Павлович.— Ведь кое-кто нас с Бабаджаняном почти что в «пораженцы» зачислил. «Пораженцами» мы, конечно, не были. Но вот «бесстрашный комиссар», как про меня Бабаджанян написал, это он преувеличил,— смущенно улыбается Скирдо.— Страх на войне — дело естественное. Особенно поначалу. Умение преодолевать в себе это скверное чувство приходит. Но потом. А вначале...

Сентябрь сорок первого. 395-й полк майора Бабаджаня-

А. Х. Бабаджанян и М. П. Скирдо. 1942

на и только что назначенного комиссаром, взамен убитого Н. И. Пивоварова, старшего политрука Скирдо держит оборону на окраине села Чернево. По Глуховскому шоссе прорвалась крупная группировка вражеских танков. На КП полка устремилось больше двадцати машин. Бабаджанян отлучился к телефону — срочно вызывал комдив. Скирдо — один. Вражеские танки движутся с трех сторон, изрыгают пламя, сокрушают все вокруг.

— Смерть — вот она! — подумалось мне, — рассказывает сейчас Митрофан Павлович. — Не скрою, показалось тогда: земля из-под ног куда-то уходит. Но тут чувствую: чьи-то руки легли мне на плечи.

Оборачиваюсь: Бабаджанян. «Ничего,— говорит,— ничего, комиссар. Останемся живы — будем и дальше вместе... Зыбин, огонь!» И, знаете, мерзкие эти мурашки тут же сползли с кожи, хотя танки продолжали двигаться на наш КП.

Тут командир артиллерийской батареи старший лейтенант И. Ф. Зыбин прямой наводкой всадил снаряд в башню танка, который был ближе всех других к командному пункту. Танк застыл на месте.

— Молодец, Зыбин! Только спокойно! — закричал Бабаджанян.— Добавь еще! Огонь, Зыбин!

...— Поразительное у тебя хладнокровие,— сказал после боя Скирдо Бабаджаняну.— Неужели, командир, тебе в тот момент совсем не было страшно?

— Честно? Было... Но ведь я за всех в ответе. И за тебя, комиссар...

Митрофан Павлович считает, что личному примеру майора Бабаджаняна он обязан тем, что позволило маршалу Бабаджаняну спустя три десятка лет написать студентам в многотиражке про их профессора: «Это человек твердой воли, бесстрашия и находчивости в бою».

«НОНСЕНС, ГОСПОДИН ГЕНЕРАЛ!»

Застаю маршала дома, как всегда, в любимом кресле и вокруг книги, книги...

— Вот, перечитываю: Гудериан. «Танки — вперед!» Небезынтересно с точки зрения изучения боевого опыта применения танков. Вышла в свет спустя десять лет после смерти автора. В Мюнхене. Поклонники скрупулезно собрали черновые рукописи, как они его величают, «выдающегося теоретика», «быстроходного Гейнца». У нас книгу перевели на русский язык и издали — вот: Воениздат, 1957. Нам не страшна ни его тенденциозность в изображении событий второй мировой войны, ни тем более его попытка оправдать поражение вермахта... Да и кого нынче убедишь таким, с позволения сказать, «доводом»: «Бескрайние просторы страны, как и во времена Наполеона, спасли русских»! У него и здесь Гитлер виноват, а он, Гудериан, ни при чем, как и в другой его книжке, в «Воспоминаниях солдата». Помнишь, он там себя величает «честным солдатом»? А между прочим, этот «честный солдат», оказывается, был просто-напросто осведомителем Гитлера, предателем. «Рыцарь»...

Покушение на Гитлера, совершенное 20 июля 1944 года, нынче некоторые западные историки, выражая настроения идеологов НАТО, выдают за следствие «демократических» устремлений германских милитаристов. На самом же деле это было отчаянным действием отдельных представителей промышленных и военных кругов, напуганных ростом военных неудач гитлеровского режима, им просто не хотелось

терять свои богатства, идя вместе с Гитлером в пучину катастрофы. Они и решили убрать Гитлера до вступления советских войск в Германию и заключить мир с западными державами.

Совершенно определенной была реакция высшего генералитета вермахта на провалившееся покушение. Германское радио в тот день вещало: «Фюрер, уступив просьбе вермахта, назначил из фельдмаршалов и генералов суд чести для изгнания негодяев из армии». В состав «суда чести» вошел и генерал Гудериан, 20 июля назначенный Гитлером на пост начальника генштаба.

— Смотри, какой любопытный документ,— говорит маршал,— свидетельствует один из немногих случайно уцелевших участников заговора: «Мы были у Гудериана и предупредили его, чтобы он нас не выдавал. Однако, когда вечером 20 июля Гитлер назначил Гудериана начальником генерального штаба ОКХ, нам всем стало ясно, чем тот заплатил за продвижение по службе». И еще. Вот первый приказ Гудериана после вступления в новую должность: «Каждый офицер генерального штаба должен быть еще и национал-социалистским руководителем. И не только из-за знания тактики и стратегии, но и в силу своего отношения к политическим вопросам и активного участия в политическом воспитании молодых командиров в соответствии с принципами фюрера...»

— Ишь, «честный солдат»! Пишет после войны: «Мы стали солдатами для того, чтобы защищать отечество». От кого, спрашивается, защищать ему приходилось свою страну-агрессора — от Дании, Австрии, Чехословакии, Польши, Бельгии? И какое «отечество» — цитадель фашизма? А дальше, дальше-то что говорит! «Мы считали, что военная служба является для нас выполнением высокого

долга, основанного на любви к своему народу». Это «любовь к своему народу» руководила Гудерианом, когда нацисты пытались в топках Освенцима и Майданека сжечь целые народы?!

Я сказал ему, что у Горького где-то говорится: «Обвинители и защитники людей с равносильной легкостью пользуются одним и тем же лексиконом».

— Не знаю, по какому поводу это Горький вспоминал, но мне кажется, в отношении тех, кто так поступает, в одном случае это искренность, в другом — лицемерие, — ответил Амазасп Хачатурович. — Нет, не бывает, не может быть военного вне политики. Нонсенс это, господин генерал, бессмыслица. А еще точнее — ложь, рассчитанная на наивных простаков!

— Спустя всего два дня после того, как Гудериан возглавил германский генштаб, танковые полки моей 20-й и 21-й мехбригады И. В. Костюкова, — продолжает маршал, — с боями подошли к реке Сан, мотопехота форсировала реку, захватила плацдарм на другом берегу. В сочетании с действиями других наших войск это означало для вражеской львовской группировки угрозу окружения, и враг начал отступать на запад... А потом танковые армии нашего 1-го Украинского фронта отбили у него Перемышль, Ярослав, Львов... Комфронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев преподнес генштабу Гудериана предметный урок танковой стратегии, существо которого в особом приеме использования танковых армий.

Танковые армии — а здесь их было три — М. Е. Катукова, П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко — последовательно вводились через узкое горло прорыва в оборону противника и действовали уже изнутри, разрушая вражескую оборону и расширяя горловину прорыва. Это был как бы подвижной таран из танковых армий, и таран этот — в голове наступающих войск фронта. Таран проникал в глубокий тыл противника, кромсал там все и вся, танковые армии захватывали важные рубежи и объекты.

Конев маневрировал танковыми армиями, сосредоточивал их усилия на решении основных задач, от которых зависел успех всей операции, не расплывал их на решение задач второстепенных, что, к сожалению, имело место в других операциях Великой Отечественной. Танковые армии в Львовско-Сандомирской операции совершали резкие повороты с одного направления на другое, марш осуществлялся быстро, оперативно. Контрудары противника принимали на себя общевойсковые армии, а танковые тем самым освобождались для действий в оперативной глубине обороны противника, для разгрома более глубоких его резервов.

— Понимаешь, Конев, чтобы освободить Львов, бросил армию Рыбалко на север. Больше чем 120-километровый блестящий маневр сделал Павел Семенович Рыбалко вместе с 4-й танковой, 38-й и 60-й общевойсковыми армиями, угрожая противнику полным окружением, заставил его оставить Львов и отступить. Тут Конев на 180 градусов повернул нашу, 1-ю, а затем и 3-ю, рыбалковскую, на Сандомир. Снова стремительный марш-маневр, и — советские танки на Висле!

К Коневу он относился восторженно:

— Не могу об Иване Степановиче говорить без восхищения — о его мудрости и выдержке. В начале июля сорок четвертого, когда прорыв вражеской обороны не удался, Конев не горячился, не спешил бросить в сражение 1-ю танковую армию, терпеливо выжидал, когда ввод танковой армии будет своевремен и принесет серьезные оперативные результаты, а не мелкий тактический успех. Так он сберег танковую армию и бросил в бой для выполнения ее основной задачи, и это, на мой взгляд, предопределило успех всей операции.

Спрашиваю: ну а не как у военачальника — просто, как у человека — чему стоило учиться у Конева?

— А разве это разделимые вещи: человек — военачальник? — удивляется Бабаджанян. — Это был настоящий

военачальник: сильный, властный. Но властность не мешала ему оставаться обаятельным, влияние иметь на людей колоссальное. Он был горячий и увлекающийся, но умел сочетать в себе трезвость, спокойную рассудительность с блеском полководческого таланта, твердость и непримиримость с добротой и благородством. Он был жестко требователен, но прежде всего к себе. А это не всем удается, когда в твоих руках сосредоточивается непомерная власть. Шутка ли — командующий фронтом! И еще что думаю: не последнюю роль в формировании личности Конева сыграло то, что в молодости, еще в гражданскую, Иван Степанович комиссаром был. Партийная работа оказывает очень большое влияние на формирование личности человека, которому доверены жизни многих, а полководцу — подумать только — сотен тысяч людей!

Бабаджания по праву считал себя давним учеником Конева. Судьба свела их перед счетом самой войной. После очередных учений, в которых его полк получил высокую оценку, Бабаджания, еще майора, забрал к себе в формируемую новую 19-ю армию ее командарм генерал И. С. Конев на должность заместителя начальника оперативного отдела штаба. На этой должности Бабаджания и застало известие о начале войны.

— Конев,— продолжает Бабаджания,— любил смелых и сам являл образцы отваги, подчас напрочь пренебрегая собственной безопасностью. В штабе порой удерживали командующего от шагов, опасных для его собственной жизни, тогда он резко возражал: «Вам можно, мне нет?» «Нет,— отвечали ему,— вы командующий». Тогда Конев недовольно отворачивался, всем своим видом показывая, что с людьми, которые прибегают к такой аргументации, ему и толковать не о чем. Мы, работники штаба, негласно дежурили, поочередно присматривая за командующим. Счастье наше, что он не разгадал нашего «заговора», а то бы... Был Иван Степанович строг с подчиненными, порой крут, но необидной была его строгая требовательность и

ощущалась нами как законная. Это происходило, наверное, оттого, что знали мы: если тебе надо, обратись к Коневу. Коли дело твое стоящее, он поможет...

И Бабаджанян обратился к командарму с просьбой отпустить его со штабной работы в войска — уже два месяца бушует война. Просьбу поддержал член Военного совета И. П. Шекланов. Бабаджанян принял командование стрелковым полком. И вот в сорок четвертом его, уже комбрига, военная судьба вновь свела с выдающимся полководцем.

А. Х. Бабаджаняну было чему учиться у И. С. Конева, и ученик оправдывал надежды учителя.

РАДИОГРАММА МАРШАЛА ЖУКОВА

Конец ноября 1944 года. Советские войска готовятся к проведению операции, которая по замыслу Ставки Верховного Главнокомандования должна обеспечить наивыгоднейшие условия для завершающего удара на Берлин,— Висло-Одерской.

1-я гвардейская танковая армия передается из состава 1-го Украинского фронта маршала И. С. Конева в состав 1-го Белорусского, которым командует маршал Г. К. Жуков, совершает марш в 250 километров, и уже на пятый день она — у польского города Люблина.

Незадолго до этого А. Х. Бабаджания по ходатайству Военного совета 1-й танковой становится командиром 11-го гвардейского танкового корпуса. Это крупное танковое соединение, уже не одна бригада, каким до сих пор было «хозяйство» Бабаджания, а целых четыре, и забот соответственно не в четыре, а во много раз больше. Ответственности — само собой. Новая должность требовала высокого уровня оперативно-тактических знаний и умения решать задачи, прямо скажем, полководческого толка. И то, что вскоре он был награжден орденом Суворова I степени, свидетельствовало о том, что Военный совет армии не ошибся в своем выдвигении.

Танковым соединениям в Висло-Одерской операции отводилась чрезвычайная роль. И комфронтом маршал Г. К. Жуков решил перед началом наступления встретиться с командирами танковых и механизированных корпусов. Строго говоря, это была не первая встреча Бабаджания с Жуковым. Первая очень мимолетна, а эту он запомнил навсегда, хотя потом были и другие встречи.

Командир корпуса докладывал командующему фронтом о боеготовности корпуса. Жуков слушал не перебивая. И только когда почувствовал, что молодой комкор сказал все, что считал необходимым, задал несколько вопросов, на которые ответить можно было только точно и кратко. Многословия Жуков не терпел, однако, продолжая, очевидно, прерванный приходом Бабаджаняна разговор с членом Военного совета фронта К. Ф. Телегиным и начальником штаба М. С. Малининым, неожиданно спросил:

— Вот говорят, есть две категории полководцев: и те и другие готовы на все, лишь бы победить, но умереть одни мечтают все-таки в своей постели, в окружении родных и друзей, а другие предпочитают смерть на поле брани. Вы за кого?

Молодой комкор, конечно, с готовностью ответил, что за вторых.

Жуков хмыкнул:

— Гм. Впрочем, другого ответа и нельзя было ждать.

Посмотрел на Телегина и Малинина. О чем они говорили до прихода Бабаджаняна, почему у Жукова возник такой вопрос, догадаться трудно. Но Телегин и Малинин улыбались в ответ Жукову. Тогда широко улыбнулся и Жуков.

— Ясно. Но к делу. Обращаю ваше внимание на особые задачи, которые стоят перед танковыми войсками. Танковые соединения должны рассекать оборону противника, стремительно проникать как можно глубже во вражеские тылы, чтобы сеять там панику, дезорганизацию. Нельзя позволять противнику задерживаться на рубежах, создавать новые очаги обороны. Идите вперед, только вперед. Не опасайтесь ничего: мы придем к вам, одни не останетесь. Ясно? Вперед, любой ценой вперед!

Уйдя от Жукова, Бабаджанян, разумеется, не столько ломал голову над неожиданным вопросом командующего по поводу «двух категорий полководцев», сколько размыш-

лял о том, что сказал маршал об особой роли танков в готовящихся финальных операциях войны. Бабаджаняну как командиру корпуса предстояло решать, как строить боевые порядки своего соединения в такой сложной операции, предусмотреть, какой маневр окажется оптимальным, чтобы как можно глубже прорваться в тыл противника, определить, кого из командиров частей направить в передовой отряд и т. д. Но вместе с тем мысль о том, что вопрос маршала отнюдь не случаен, не покидала.

«Не может быть, чтоб это просто так, — думал Бабаджанян. — Он храбрость мою проверял? Чепуха! Сказал, что пришел финал борьбы с врагом и чтоб я знал, что поставлено на карту». Последнее казалось более правдоподобным...

Спустя много лет, называя маршала Жукова среди тех, у кого он учился быть настоящим советским военным, Бабаджанян говорил:

— Жуков был в высшей степени умным человеком, обладал поразительным даром убеждения.

Ему возразили: дескать, все помнят крутой нрав Жукова, его резкость, беспощадность...

Бабаджанян решительно перебил:

— Знаю, какие ходят слухи о нраве Жукова. Но неправда, что он был беспричинно груб и позволял себе оскорблять достоинство подчиненных. Смелых и деловых людей любил. А вот к трусам и бездельникам действительно был беспощаден. И нечего путать строгую принципиальность с оскорблением, требовательность с грубостью. Я встречался с ним не раз, но ни разу не слышал из его уст унижающих высказываний по отношению к подчиненным, но всегда — непримиримость к безответственности и легкомыслию. Впрочем, иным и не мог быть полководец, сыгравший такую значительную роль в Великой Отечественной...

15 января 1945 года после полудня танковые и механизированные корпуса 1-го Белорусского рассекли фронт оперативной обороны противника на более чем 200-километровом участке.

Передовой отряд 11-го гвардейского танкового корпуса выходит к реке Пилица, мотопехота форсирует реку, а вот танки переправить не удастся — лед не выдерживает их тяжести. Этим пользуется противник, сопротивляется остервенело. Бабаджян и командир передового отряда корпуса полковник И. И. Гусаковский ломают голову над, казалось, неразрешимой задачей: как переправить танки по такому непрочному льду. Выручает вездесущий замкомандующего армией генерал А. Л. Гетман, подсказывает: подрывать лед, наводить понтонный мост. И вот мост наведен — танки корпуса на том берегу и рвутся вперед.

«Только — вперед!» — приказал маршал Жуков.

За два дня танковые войска продвинулись вперед на 150—200 километров. Передовой отряд 11-го гвардейского корпуса, осуществляя широкий маневр, обходя крупные населенные пункты, прорвал с ходу второй оборонительный рубеж противника, ворвался в город Скерневице, а затем овладел городом Лович.

Пройдя за полдня почти 80 километров, главные силы корпуса овладели городами Ленчица, Озоркув.

На командный пункт корпуса А. Х. Бабаджяну пришла радиограмма от маршала Жукова: «Поздравляю лично вас и руководимые вами войска со смелыми и успешными действиями. Выполняйте задачу и действуйте так же, как действовали. Жму вашу руку».

Приказ маршала Жукова «Только — вперед!» выполнялся неукоснительно, я бы сказал, с вдохновением. Все сметая на своем пути, рвались вперед танки 11-го гвардейского корпуса.

Стремительное наступление танков наталкивается на труднопреодолимую преграду — реку Варту. Чтобы ее форсировать, нужно организовать переправу минимум в двух местах. А понтонных средств мало, переправа танков — это значительное время, а его-то и нет, наступление стремительно.

«А что, если обойти Варту с севера? — думает Бабаджанян. — На 20—30 километров путь длиннее? Зато сколько времени выиграть можно...»

И он запрашивает разрешение на маневр в штабе армии. Штаб отказывает. Что делать? А тут еще стеной повалил снег, началась настоящая пурга. Видимости никакой, машины еле двигаются, несмотря на зажженные фары.

На счастье, в расположении корпуса оказывается замкомандующего генерал А. Л. Гетман:

— Да, предложение твое заманчиво: и ускорит выход корпуса к Познани, и людей сбережет...

— Вот, вот, товарищ генерал, — обрадовался Бабаджанян. — Людей сбережет!

— Но ведь знаешь, как это называется: нарушение боевого приказа.

Ничего больше не сказав, Гетман уехал, а Бабаджанян крепя сердце стал готовиться к форсированию Варты. Как вдруг приходит новый приказ: обходить Варту с севера...

— Так и не известно мне до сих пор, — с хитринкой в глазах улыбается маршал, — успел ли тогда Гетман добраться до штаба армии...

Советские танковые войска наступают без передышки, днем и ночью, в туман и снегопад. Поляки встречают советских воинов возгласами: «Нех жие Армия Червона!», «Нех жие Россия!», обнимают, целуют промазученных танкистов, в руках у них красные и красно-белые флаги, подносят угощения. Но танкистам некогда: «Вперед, только — вперед!» Вот наконец и радость — германская граница, сколько ждали советские люди этого дня, не остановить уж порыв танкистов.

Но с ходу ворваться на территорию врага не удастся. Здесь знаменитый Мезеритцкий укрепленный район. Гитлеровское командование уверено в непревзойденности, непреодолимости этой преграды. Еще бы: земля, леса, холмы, реки, ручьи и озера — все пространство, казалось, заковано в сталь и бетон. Почти все проходы заминированы. Оборон-

нительный рубеж — гигантский подземный город. Противник не сомневался, что за такими укреплениями ему удастся отсидеться, остановить наступление советских войск.

Но горько ошиблись стратеги вермахта — одолели танкисты полковника Гусаковского, передового отряда 11-го гвардейского корпуса, это «чудо» гитлеровской техники. Дважды Героем Советского Союза стал после этого И. И. Гусаковский. С одобрения комкора изобретательно действовали здесь танкисты. Если нужно было уничтожить вражескую пулеметную долговременную точку, водители закрывали амбразуру танком, а саперы пробирались к дымовому ходу дота и спускали туда взрывчатку... Многих из них комкор представил тогда к присвоению звания Героя Советского Союза.

Потом вместе с 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова 1-я гвардейская танковая армия успешно форсирует Одер, и Висло-Одерская операция завершится.

Маршал Бабаджанян считал Висло-Одерское сражение одной из самых блестящих наступательных операций Советских Вооруженных Сил. Изучению и комментированию ее посвятил много времени. Причем изучение это было — как все, что он делал, — не просто обстоятельным, но, что называется, «с разных сторон».

...Опять застаю его с книжкой Гудериана в руках.

— Готовлю вот материалы к твоему приходу — для главы мемуаров про Висло-Одерскую операцию... Господин генерал, нимало не смущаясь, утверждает, что советские войска имели успех в этой операции отнюдь не из-за превосходства советского полководческого искусства, а из-за превосходства в людской силе и технике. И цифры приводит — поглядит на них несведущий человек, подумает: вроде прав Гудериан. Действительно, к концу войны мы имели превосходство в технике и вооружении — спасибо нашим героическим труженикам тыла, все отдавали ради победы. Но если вспомнить протяженность советско-германского

фронта, станет понятно, что наше превосходство возникало на определенных участках фронта, на тех, где планировалось советским командованием наступление, и было оно плодом оперативного мастерства советского командования, плодом советского военного искусства. Так и в Висло-Одерской операции.

Маршал берет в руки другую книгу, но и эту не откладывает далеко, оставляет открытой, видно, еще вернется к ней.

— Конечно, такая большая и ответственная операция, как Висло-Одерская, — плод коллективного разума: Ставка, Генштаб — много умных голов ее продумывали. Но я хочу сказать о полководческом таланте руководившего операцией маршала Жукова. Если существует понятие «почерк полководца», то здесь очевиден почерк Жукова, нагляден. Особенно — как патриот своего рода войск скажу — в использовании огромных танковых масс. Жуков преподавал нам на будущее прекрасный урок. Читай вот здесь...

И я читаю в «Воспоминаниях и размышлениях» Г. К. Жукова:

«Основная роль в развитии наступления на фронтах после прорыва обороны противника принадлежала танковым армиям, отдельным танковым и механизированным корпусам, которые во взаимодействии с авиацией представляли собой быстроподвижной таран огромной силы, расчищавший путь для общевойсковых армий».

— «Быстроподвижной таран» — понял? — спрашивает маршал. — Вот что такое должны быть современные танковые войска. В период Висло-Одерской операции танковые армии, действуя на 100—120 километров впереди главных сил фронта, создавали общевойсковым армиям условия для продвижения с минимальными потерями в живой силе и технике, позволяя им свертываться после прорыва переднего края противника в походные колонны и без серьезных боев двигаться вперед по дорогам на 300—400 километров. Я говорю — без серьезных боев, не имея в виду тактических

действий по ликвидации так называемых «блуждающих котлов» — окруженных групп противника, оставшихся в тылах танковых армий. Эти «котлы» ликвидировались общевойсковыми армиями, а танковые, не тратя на них времени, как ударные клинья, продолжали стремительно и глубоко вгрызаться во вражескую территорию... Есть чему поучиться у такого стратега, как Георгий Константинович.

— А ему кажется, Гудериану, все от случайности зависело. Погляди только, что пишет: «15 февраля 3-я танковая армия генерал-полковника Рауса была готова к наступлению. Утром 16 февраля она перешла в наступление, за которым лично наблюдал генерал Венк, точно знавший все мои намерения и планы...»

Маршал останавливается.

— Заметь: «...мои намерения и планы». Значит, это было столкновение замыслов, и замысел «танкового стратега» Гудериана здесь потерпел крах. Но почему? Почитаем дальше. «16-го и 17-го наступление проходило весьма успешно, мы начали надеяться... на удачу этой операции... Но тут произошло несчастье — Венк после своего доклада Гитлеру вечером 17 февраля сел в свою машину... Он сел сам за руль и уснул... Он наехал на перила моста, сильно разбился. Был доставлен в госпиталь. Выход из строя Венка привел к тому, что наступление застопорилось и его не удалось вновь наладить».

Маршал захлопывает книжку, весело смеется:

— Это — как насморк у Наполеона, из-за которого, мол, его гренадеры покинули Москву!..

Спрашиваю:

— Вы что же — совершенно исключаете случайность?

— Случайности бывают. На войне — тем более. Но успех большой операции — случайности? Под Москвой в сорок первом, под Сталинградом в сорок втором, под Курском в сорок третьем, на Украине и в Белоруссии в сорок четвертом, наконец, между Вислой и Одером в сорок пятом. Все

случайности? — с сарказмом спрашивает маршал и сам себе со спокойной убежденностью отвечает:

— Нет, закономерность глубоко продуманных решений советской военной мысли. Так!

...Штаб корпуса Бабаджаняна в Кунерсдорфе. В том самом Кунерсдорфе, с высот которого в 1759 году русский фельдмаршал П. С. Салтыков рассматривал Приодерскую равнину после того, как наголову разбил здесь прусскую армию Фридриха II.

8-й мехкорпус 1-й гвардейской танковой армии ведет бои восточнее Франкfurта-на-Одере. Подходят части 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова. Захвачен плацдарм на западном берегу Одера. Советские войска на дальних подступах к Берлину. Остается всего ничего: каких-то 80—100 километров. Но наступать прямо на Берлин все-таки нельзя. Коммуникации наших войск растянуты больше чем на полтысячи километров, железнодорожные мосты через Вислу выведены из строя, запасы истощены, боевая техника и вооружение требуют восстановления и пополнения. Да еще «Померанский балкон»: крупная группа армий противника под кодовым названием «Висла» удерживает Померанскую провинцию и угрожает правому флангу 1-го Белорусского фронта. Верховное Главнокомандование решает повернуть его правое крыло на восток в помощь действовавшему здесь 2-му Белорусскому фронту маршала К. К. Рокоссовского.

Наступление на Берлин, которого с таким нетерпением ждали все, задерживается.

— А может быть, стоило, несмотря ни на что, идти на риск? Ведь все так ждали победу! — спрашиваю Амазаспа Хачатуровича. — В конце концов, любая военная операция связана с риском, а риск — дело благородное.

— Риск, говоришь? — чуть прищуривается маршал. — Смотря кому и чем рисковать. Своей жизнью — рискуй,

хотя на это тоже не всегда право имеешь. Я вот однажды рискнул...

И он с плохо скрываемой иронией по отношению к самому себе вспоминает, как в конце сорок первого, поздним вечером вызван был в штаб дивизии по каким-то, видимо, не очень срочным вопросам. И так рассказывает, что не могу не привести здесь этот его рассказ, который тогда записал слово в слово:

— На дворе тьма, идет колючий мелкий снег, дороги замело. И за каким чертом надо мне в такую погоду мчаться в штаб, да еще по вопросам какого-нибудь фуражного снабжения! Клянусь тыловиков последними словами.

Путь был долог, коня и то загнал. Приезжаю, вхожу по темной каменной лестнице в станционное строение, где размещалось тыловое управление. Тьма кромешная, двигаюсь по коридору ощупью. Наконец вижу щелочку, из которой выбивается тоненький лучик света. Приоткрыл я эту дверь и вижу такую картину: четверо сидят за столом. Светит им керосиновая лампочка, в железной печурке дрова потрескивают по-домашнему. И все четверо... сражаются себе в «козла».

Ну, проняло тут меня. Распахнул дверь, влетел — весь в снегу, из-под подшлемника только глаза видны. Кричу, подделываясь под немца: «Хенде хох!» В руке плетка кавалерийская — замахнулся ею...

Теперь понимаю: хоть кто на их месте испугался бы в тот момент! Бывали случаи, когда в поисках теплых мест отдельные группы немцев врвались в населенные пункты, где расквартировывались наши части. Мое счастье, что никто из «пленных» мной не выхватил пистолета и не укокошил незванного пришельца еще до того, как я подшлемник сдернул с себя.

— Так вот! — смеется маршал. — Тоже ведь — рисковал. Молодой тогда был. Хотя это и не оправдание, конечно... Без риска на войне нельзя. Только разумным должен быть риск. Не просто, как это случилось с «зеленым» майо-

ром по фамилии Бабаджанян... Обоснованный риск — вот это другое дело. Тем более когда речь идет о таких грандиозных вещах, как решение задачи по овладению Берлином. Шутка ли — после этого должна была последовать капитуляция Германии! Тут рисковать — слишком было бы опрометчиво. Это очень убедительно Георгий Константинович Жуков показал в своей книге...

И он с явным удовольствием снова раскрывает книгу выдающегося полководца, у которого учился еще на полях великих битв, а сейчас скрупулезно штудирует его труды...

БУТЫЛКА МОРСКОЙ ВОДЫ

Риск — дело благородное. Но риск не исключает и неудачи. С «Померанским балконом», нависавшим над правым крылом 1-го Белорусского фронта, надо было срочно что-то делать. Здесь складывалась тревожная обстановка. Это впоследствии в своей послевоенной книге подтвердил и Гудериан: «Немецкое командование намеревалось нанести мощный контрудар силами группы армий «Висла» с молниеносной быстротой, пока русские не подтянут к фронту крупные силы или пока они не разгадали наших намерений».

Советскому командованию стало ясно: необходимо провести наступление на восточно-померанскую группировку противника, чтоб обеспечить надежность флангов войск, которым предстояло наступать на Берлин.

Фашистская Германия обречена. Это ясно всем, очевидно и самому вермахту. Но Гитлер продолжает бессмысленное сопротивление. Впрочем, его гарнизоны сдаются без боя на западе нашим союзникам, но оказывают остервенелое сопротивление советским войскам. В том числе в Восточной Померании. Вот и приходится 1-й танковой армии наступать на север, к Балтийскому морю.

Почему же так безрассудно сопротивлялся противник?

— Ты Библию хорошо знаешь? — задает мне А. Х. Бабджанян неожиданный вопрос. — И не ожидая ответа: — Значит, был такой Самсон. Когда его, ослепленного, враги привели на посмеяние из тюрьмы в громадный дворец, он, чтобы отомстить своим недругам, которых здесь собралось великое множество, уперся руками в столбы, на которых держался весь дворец, и обрушился дом на владельцев, на всех, кто в нем был, и все погибли. Все, заметь. Так?

— Так.

— А теперь скажи, какое решение приняла Ялтинская конференция?

— Для Германии — безоговорочная капитуляция.

— Так. А вот наш бывший союзник, английский генерал Фуллер, называет это требование Ялтинской конференции — и как только язык поворачивается! — «идиотским лозунгом». И смотри, что пишет: «Гитлеру, подобно Самсону, оставалось обрушить все здание Центральной Европы на себя, на свой народ и на своих врагов». Каково, а? Хороши библейские ассоциации с Гитлером! И кто это себе позволяет — бывший союзник. Зачем? Пытается обелить злодея, найти оправдание его последнему злодеянию. Зачем Фуллеру это? Очень просто... Вот. Сам признается: «Политически Восточная Европа уже была потеряна для демократии...» Для черчиллевской демократии... — добавляет Бабаджанян. — И гитлеровское злодеяние напоследок продолжается.

Наступлению наших войск в Померании противопоставляются десятки немецких дивизий, бригад, отдельных групп. Во главе вражеской группировки войск — сам рейхсфюрер СС Гиммлер. И не беда, что впоследствии, оценивая его деятельность в Восточной Померании, Гудериан обзовет Гиммлера «профаном», пока фашистский фанатик организует бешеное сопротивление наступающим советским войскам.

Но наступление советских войск начинается. По всему фронту двинулись войска 3-й ударной и 61-й армий. На прорыв вражеской обороны устремились танки. Двигутся вперед передовые отряды 11-го гвардейского танкового корпуса, вслед за ними — главные силы соединения. Особенно трудно 44-й бригаде Гусаковского: на каждом шагу завалы, минные поля. По бездорожью наступают и 40-я бригада М. А. Смирнова и 45-я — Н. В. Моргунова: лесные тропы, узенькие межозерные проходы завалены срубленными деревьями, в них упрятаны противотанковые мины —

противник тщательно организовал свою оборону. Но как ни надеялся враг, что здесь сама природа поможет ему задержать наступление советских войск, надежды его не оправдались. Преодолев все трудности, 11-й танковый и 8-й механизированный корпуса прорываются через, казалось, непроходимый участок — и вот уже заняты города Вангерин и Шифельбейн.

Путь на Балтику, по существу, открыт. 45-я бригада, составлявшая в этот момент передовой отряд корпуса, ворвалась на южную окраину города Кольберга, расположенного на Балтийском побережье. Но комбриг-45 здесь, по мнению Бабаджаняна, не проявил решительности, ослабил темп наступления, и противник этим воспользовался: организовал оборону — город полностью взять уже не удалось.

— Вот тут надо было решиться на риск, — говорит А. Х. Бабаджанян. — Полководец должен уметь мгновенно отделить в своем представлении осторожность разумную от чрезмерной. И все это решить буквально в считанные секунды. В этом — искусство вождения войск. Оно требует быстроты решений, тем более когда в твоих руках такое оружие, как танки, — сама быстрота...

Понимаю его мысль: осторожность разумная порождает разумный риск, а чрезмерной осторожности всякий риск представляется чрезмерным...

— В этот момент командир другой, 40-й бригады нашего корпуса полковник М. А. Смирнов, — говорит Бабаджанян, — вырвался на берега Балтийского моря. В подтверждение, что его танкисты наблюдают морской прибой, он послал мне бутылку морской воды. Отличное донесение! Другую бутылку он отправил генералу Катухову, третью — маршалу Жукову — мы еще входили в состав 1-го Белорусского фронта.

1-я гвардейская танковая армия, выйдя на побережье Балтийского моря, рассекла восточнопомеранскую группировку противника. 8 марта Верховный Главнокомандующий

сказал по прямому проводу командарму 1-й гвардейской танковой М. Е. Катукону:

— Надо помочь Рокоссовскому не дать врагу занять старые укрепленные районы, иначе придется организовывать новую фронтную операцию. Подумайте и сделайте все, что можете.

И танковая армия М. Е. Катуконна была передана в состав 2-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. А наступать ей предстояло... на восток.

— Мы так привыкли за годы войны к лозунгу «Вперед, на запад!», что даже язык с трудом выговаривал: «Вперед, на восток!» — улыбаясь, вспоминает Амазасп Хачатурович.— Но танкистам не приходилось удивляться: в маневренности, в подвижности, в готовности в любую минуту изменить направление своего движения и неожиданно обрушиться на врага оттуда, откуда он совсем не ждет,— не в этом ли, может быть, самое главное существо бронетанковых сил?

Кольберг, блокированный с суши, оставлен частям Войска Польского, они его и возьмут штурмом впоследствии, а корпус Бабаджаняна устремляется на восток, к Гданьской бухте...

Путешествия по военным маршрутам Бабаджаняна во время работы над этой книжкой привели меня и к балтийским берегам, я попал в польский курортный городок Колобжег — так теперь называется бывший Кольберг. Собственно, вновь называется своим исконным именем. Ныне он крупный морской порт республики. Нам показывали замечательные пляжи и санатории, а я все с нетерпением ждал, когда покажут следы тяжелых боев, которые вела здесь 1-я армия Войска Польского и Советские Вооруженные Силы, ведь город был тогда почти полностью разрушен.

Следов не было. Красавец город утопал в зелени, на главной улице маршировали, демонстрируя класс строевой под-

готовки, подразделения различных родов войск польской армии, прибывшие сюда для участия в ежегодно проводимом в Колобжеге фестивале солдатской песни. Зрелище поражало своим великолепием, всюду в городке царило ощущение праздника.

Война была где-то далеко-далеко — в учебниках истории. Но вот меня подвели к памятнику. На камне высечены слова благодарности воинам — польским и советским, — павшим в боях за освобождение города от фашистской нечисти. Помнят ли здесь своих освободителей — русских братьев? Помнят, очень помнят... В книжном магазине мне предложили книгу на польском языке, в которой описываются бои за Кольберг. Это оказались... «Дороги победы» А. Х. Бабаджаняна.

Что скрывать, было очень приятно. И маршал, когда я ему сказал, что приобрел в Польше его мемуары, был несказанно обрадован. А в Гдыне мне торжественно сообщили, что А. Х. Бабаджанян избран здесь почетным гражданином города.

— Вижу в этом братскую признательность нашей Советской Армии — освободительнице, — говорил маршал. — Тяжелые здесь пришлось выдержать бои...

Пройдя за сутки 120 километров, танки вышли к реке Леба, передовые армейские отряды уже захватили переправы — танки форсируют реку; преодолев сопротивление противника, корпус Бабаджаняна устремляется к Гдыне. 45-я бригада полковника А. В. Моргунова прорывает внешний оборонительный рубеж Гдыньского укрепрайона, другая бригада — 27-я полковника К. К. Федоровича — очищает от врага все побережье залива Пуцигер-Вик, 44-я бригада полковника И. И. Гусаковского овладевает городом Пуцк.

А вот Гдыню взять оказалось не так-то просто. Гдыньский укрепрайон был мощным оборонительным сооружением, недаром немцы в 1939 году, оккупируя Польшу, слишком долго не могли овладеть Гдыней, и сейчас они восполь-

зовались тем, что в свое время было так добротнo построено здесь. При этом гитлеровцам благоприятствовала погода — непрерывно лили дожди, превратившие всю местность в сплошное месиво грязи, попробуй по такому наступать танками. А на рейде — военные корабли противника, недотягаемые для артиллерии танкового корпуса, и с неба их тоже не возьмешь — погода нелетная.

Маршал Рокоссовский принимает решение перебросить 11-й гвардейский танковый корпус на юг и оттуда вместе с другими общевойсковыми соединениями прорвать вражескую оборону и овладеть Гдыней. Холмистая, заросшая лесами местность ограничивает маневр танков. И опять — дожди, дожди... Танки вынуждены действовать только вдоль дорог и лесных просек, танки становятся мишенью для противотанковых средств противника. Каждый метр — с боем. Но выхода нет. Бабаджанян объясняет это своим комбригам.

— Но мы теряем много людей, — отвечает один из них, зная отношение к этому комкора.

— Выхода другого нет, — кинув на него острый взгляд, отвечает Бабаджанян твердо. — Ты меня знаешь...

Да, комбриг знал своего начальника. Знал по многим боям и сражениям. Рядом шли, когда и Бабаджанян тоже еще комбригом был. И если командир корпуса говорит, что нет иного выхода, значит, надо делать невозможное возможным.

И хотя сопротивление противника отчаянное, на следующий же день части корпуса во взаимодействии с войсками 19-й армии разрывают на две части 2-ю немецкую армию, на другой день захватывают город Сопот и наконец врываются в Гдыню.

Еще дымятся там и сям пожары, а танковая армия снова повернула на запад, спешит вновь влиться в состав 1-го Белорусского фронта, чтоб устремиться на окончательный штурм фашистской цитадели — на Берлин. Родина отмечает героев и героические действия частей и соединений.

Среди них — майор Б. П. Иванов, командир танкового батальона 40-й бригады 11-го гвардейского танкового корпуса, батальона, который первым ворвался в Гдыню, — комбат был удостоен звания Героя Советского Союза. Среди них и весь 11-й гвардейский танковый корпус, награжденный орденом Суворова...

Солдаты и офицеры соединения радовались наградам, но времени для праздника нет. Праздник еще впереди. А пока — ратный труд, и надо готовиться к новым боям и сражениям. Генерал армии Гусаковский, тогда полковник, комбриг в корпусе Бабаджаняна, вспоминая ту нелегкую пору, рассказывает, как неожиданно услышал от своего комкора:

— Иосиф Ираклиевич, ты вот говоришь, подарок получил от шефов из Монгольской Народной Республики — продовольствие всякое. Что собираешься с ним делать? Бойцы твои, небось, и так сыты... А что, если отсюда, с фронта посылают организовать их родным, в село? Наверное, недоедают там, бедняги, все для фронта отдают...

Гусаковский подхватил эту идею — действительно недавно кто-то из его танкистов читал вслух довольно невеселое письмо из дому. Только огорчился, почему эта мысль пришла не ему самому, а комкору...

— Таков он был всегда — и полковником, и маршалом, — говорит Гусаковский. — Щедрое сердце имел, заботился о людях, ему подчиненных. После боя спрашивал: «А ты госпитали объездил, своих раненых навестил?» И личный состав платил ему искренней признательностью, привязанностью. Во фронтовых госпиталях раненые просились не отправлять их в тыловые, долечивать здесь побыстрее, чтоб возвратиться в свою родную бригаду, в свой корпус.

Душевная щедрость, наверное, одно из необходимейших качеств для военачальника, именно она органически должна уживаться с суровой требовательностью, без которой немислим военачальник, если он хочет походить на того

самого «отца командира», каковым солдату виделся еще великий Суворов.

Окончив после войны Академию Генерального штаба, А. Х. Бабаджанян за сравнительно короткое время занимал целый ряд военных постов, вплоть до одного из самых высоких. Западные газеты этот заслуженный служебный рост Бабаджаняна называли «головокружительной карьерой». Быстрое продвижение по служебной лестнице на самом деле отнюдь не вскружило голову человеку, судьба которого была определена воспитанием, полученным в Коммунистической партии, в армии нового типа. Демократическая природа нашей армии не могла породить в молодом генерале ни чиновной спеси, ни самолюбования. Поэтому армейские притчи, которые изустно сопровождали Бабаджаняна всюду, где он служил,— это были армейского быта.

Будучи командующим округом, генерал-полковник А. Х. Бабаджанян получил в заместители человека в том же звании, старше его по возрасту, обладавшего немалым боевым опытом. Подобно легендарному Карбышеву, тот испытал муки фашистского плена, возглавлял подпольную партийную организацию в лагере советских военнопленных, чудом был спасен.

Сослуживцы с чувством искреннего восхищения рассказывают, насколько уважительно относился А. Х. Бабаджанян к своему заместителю, как постоянно советовался с ним, как старался ничем не задеть самолюбия этого героического человека, как армейская субординация не мешала командующему округом, где возможно, как бы невзначай заметить: «Мы с Михаилом Ивановичем решили...», «Мой заместитель и друг Михаил Иванович считает...» и т. п.

И не выглядело это навязчивым, потому что нельзя было заподозрить генерала Бабаджаняна в неискренности — что-то, а симпатий и антипатий своих он не скрывал: достойных и деловых — привечал всячески, иные — опасались попадаться ему под горячую руку. Пожалуй, это был тот случай, когда воспитанная в себе с годами выдержка

уступала темпераменту горца. Но за это его не осуждали — ревнивое его пристрастие к справедливости всем было известно.

Солдатский фольклор сохранил такую притчу. Было это в Одессе. Командующий округом проверял какую-то часть. И надо же было такому случиться — застал дневального на посту... с сигаркой в руке.

— Ты что куришь? — грозно спросил командующий.

— Махорку, товарищ генерал! — нашелся солдат.

— Гм. Что ж. Ответ правильный, вопрос неправильный. Спасибо, — ответил командующий и не наказал нарушителя.

Спрашиваю Бабаджаняна: действительно было подобное?

— А как, по-твоему: это хорошо или плохо? — мгновенно реагирует он.

— Ответ правильный, вопрос неправильный, — отвечаю я, и мы оба весело смеемся.

— Вот уж правда, — говорит маршал, — погибнет солдат без юмора. Терпка солдатская шутка, верно. Только коробит меня, когда выражение «солдатская шутка» употребляют как нарицательное обозначение юмора, ну что ли, второго сорта. Пусть записные остряки позаимствуют у нее остроту наблюдательности и меткость удара, что всегда буквально не в бровь, а в глаз...

— Что же касается «махорки», так сам понимаешь: в Одессе это происходило, а там попробуй юмор не оценить — потеряют к тебе всякое уважение! — И он со вкусом рассказывает какую-то «одесскую» шуточку, видно, доставляет ему самому удовольствие рассмешить собеседника.

Однако шутка шуткой, а в приведенной смешной притче не столько комизма, сколько благодарного солдатского восхищения: генерал (командующий!) не побоялся признать свою ошибку даже перед рядовым солдатом. Такое, разумеется, не может не породить любовного отношения к своему командиру. Легенды зря не сочиняются.

11-МУ — НА РЕЙХСКАНЦЕЛЯРИЮ!

Апрель сорок пятого. Финал Великой Отечественной. Горький для противника, терпящего поражение, радостный для победителя — советского народа.

Совершив 400-километровый марш, 1-я гвардейская танковая армия из Восточной Померании оказалась вновь в полосе действий 1-го Белорусского фронта, руководимого маршалом Г. К. Жуковым, фронта, которому предстояло овладеть Берлином.

Враг сопротивлялся. Он окружил Берлин такой системой обороны, что, казалось, для преодоления ее нужны нечеловеческие усилия. Гитлеровская пропаганда сделала все, чтоб запугать солдат и население «большевистской мезью», старалась убедить: сопротивление — единственное средство спасения.

— И опять тут не обошлось без генерала Гудериана,— замечает Амазасп Хачатурович,— твердил, что он только «солдат», от политики далек, а ведь именно он в этот момент вместе с рейхсминистром Шпеером уговаривал Риббентропа и Гиммлера через международные каналы — нейтральные государства попытаться найти политический выход: за спиной русских договориться с союзниками и добиться «почетного мира». Не вышло!

Советское командование выработало блестящий план взятия Берлина. План был таков. Главный удар с Кюстринского плацдарма наносят пять общевойсковых и две танковые армии — 1-я и 2-я гвардейские. Общевойсковые армии прорывают тактическую зону обороны противника, создают благоприятные условия для ввода в действие танковых армий. Последние, действуя на флангах ударной группиров-

ки фронта, получают простор для маневра и стремительного рейда в тыл врага, тем самым, в свою очередь, создают благоприятные условия для успешного наступления общевойсковых армий. Танковые армады обходят Берлин с севера и юга и совместно с войсками 1-го Украинского фронта замыкают кольцо окружения.

Наступление началось перед рассветом. Вперед двинулись общевойсковые армии. Соединения 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова прорвали первую полосу вражеской обороны, завязали бои за вторую полосу.

Это были пресловутые Зееловские высоты. Тут враг оказал отчаянное сопротивление. Наступление 8-й гвардейской армии и 5-й ударной застопорилось.

Стало очевидно, что общевойсковым армиям не прорвать второй полосы вражеской обороны и они не могут создать танковым армиям условий для ввода их в чистый прорыв. И тогда решено было ввести в сражение танковые армии — нарастить прорыв общевойсковых армий.

Но слишком неприступным был зееловский «орешек». Враг отражал все наши атаки. Сражение приобретало такой размах, которого не видели даже ветераны — участники Московской, Сталинградской и Курской битв.

Читаю в книге «Люки открыли в Берлине. Боевой путь 1-й гвардейской танковой армии»: «Чтобы прорвать такую оборону, необходимо было ее предварительно надежно подавить мощными ударами артиллерии и авиации. Видимо, при подготовке операции была несколько недооценена сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать трудно-преодолимую оборону». Авторы книги — А. Х. Бабаджанян, Н. К. Попель, М. А. Шалин, И. М. Кравченко.

Спрашиваю Амазаспа Хачатуровича, чем вызвана такая критическая оценка.

— Время прошло, вот и следует для пользы в будущем все рассматривать критически. И сам Георгий Константинович теперь на это иначе смотрит. В своей книге пишет, что

сейчас, спустя много времени, размышляя о плане Берлинской операции, пришел к выводу, что разгром берлинской группировки и взятие самого Берлина можно было бы осуществить несколько иначе... Понимаешь, действительно, местность благоприятствовала противнику, затрудняла наступление крупных танковых масс. Танковая армия понесла большие потери, и вновь подтвердилась мысль, что ввод танковых армий в зоне тактической обороны противника редко целесообразен и всегда нежелателен. Но тогда что было делать — ведь так все стремились к долгожданной победе!..

Танковые корпуса яростно дерутся с врагом. 11-й гвардейский наносит удар в юго-западном направлении, потом форсирует реку Флисс, захватывает плацдарм на другом берегу. Затем пробивается 8-й гвардейский корпус, завязывает бои.

Танки форсируют Шпрее.
Берлин, 1945

Наконец Зееловские высоты подавлены. Захвачен ключ от всей системы обороны врага на берлинском направлении. Но противник не сдается, противник дерется ожесточенно. И бои — продолжаются. Предстоят бои в самом Берлине, но, хотя и остались до Берлина считанные километры, ох как трудно они даются.

11-й гвардейский танковый корпус наступает в особенно трудных условиях — ему предписано продвигаться на Мюнхеберг, но к Мюнхебергу ведет единственная дорога, а на ней — сплошные завалы; заминированы перекрестки, на наиболее важных направлениях — вражеские танки, штурмовые орудия, противотанковые пушки. И двигаться надо через лес, а здесь танки подстерегают истребители, вооруженные фаустпатронами.

— Честно говоря, — как-то обронил Амазасп Хачатурович, — за всю войну я так и не смог привыкнуть воевать в лесу. Не знаешь, откуда чего ждать. Как в мешке.

Показал ему рассказы одного писателя о боях за Берлин. Один из них так и назывался — «Бабаджанян».

— Чем же это я заслужил? Расскажи. Впрочем, подожди. Рассказ большой? Нет? Тогда лучше сам прочитаю. В пересказе плохо получается. Вот дочка урок учит: сначала она его любила, а он ее не любил, потом он ее любил, а она его нет. Оказывается, «Евгений Онегин»...

Он прав: пересказывание художественных произведений — печальный удел плохих школьных учебников.

— Он тут хвалит меня, что я в лесу вперед мотострелков выслал. Но в тот момент я уже о другом думал: как в самом Берлине действовать будем? Не удастся там вперед мотострелков выслать. А каково вести уличные бои танковой армии? В городе она скована в движениях, уязвима на улицах между громадами зданий, в узких переулках. Из каждой подворотни, из окон, с крыш на танки обрушат гибельный огонь простых бутылок с зажигательной смесью. Что уж говорить о фаустпатронах! Вот чем голова была занята...

Но впереди — Берлин. И танки устремляются вперед. 44-я и 27-я бригады 11-го корпуса вырвались на кольцо берлинской автострады. Кольцо окружения все теснее. 11-й гвардейский получает приказ: наступать на Потсдамский вокзал и имперскую канцелярию. В ночь на 30 апреля танки корпуса Бабаджаняна уже прямой наводкой обстреливают здание имперской канцелярии.

— Никто не знал тогда, — говорит Амазасп Хачатурович, — что именно здесь, в бронированных подземельях, прячутся Гитлер, Геббельс, Борман и другие главари фашистской Германии. На следующий день стало известно, что бесноватый фюрер покончил с собой... Гудериан всюду твердит: Гитлер, Гитлер, а моя, дескать, хата с краю. Чепуха!

И маршал предлагает:

— Давай попробуем разобраться. Это пишут даже западногерманские историки, а они так много сделали для утверждения легенды о единоличной ответственности Гитлера за поражение Германии.

«Было бы не только неисторично и неправдоподобно, — читаю я, — но и опасно превращать Гитлера в единственного козла отпущения, приписывать ему кроме постоянной инициативы и самой тяжелой ответственности за решение в последней инстанции еще и всю вину за ошибки, приведшие к катастрофе на Востоке... Если рассуждать так, то, к примеру, получается, что только военные специалисты одерживали для него победы, а он один терпел лишь поражения. Иными словами, это означает: без Гитлера и эта война была бы выиграна!.. Разве Гитлер смог бы планировать и вести эту гигантскую, вначале протекавшую успешно войну с людьми, которые, обладая всей дальновидностью, неохотно подчинялись ему, чтобы «предотвратить худшее»? А тем, кто пытается оправдать свое послушание аргументом, что они якобы всегда были против Гитлера, но, руководствуясь интересами фронта, не могли подать в отставку, можно возразить следующее: со стратегической точки зрения нет ничего хуже, чем променять свои принципиальные

позиции относительно ведения войны на ложную линию, зная заведомо, что она приведет к поражению. Кто так поступает, совершает, по мнению Наполеона, не только военную глупость, но и преступление»¹.

— Нет,— продолжает маршал,— вместе со своим фюрером моральную ответственность за всю войну и ее печальный для рейха исход несут не только ближайшие политические помощники Гитлера, но и Кейтель, Йодль, Манштейн, Гудериан...

Рассвет 30 апреля. Кровопролитные бои в Берлине не утихают. Полковник Бабаджанян принимает дерзкое решение: наступать не только по земле, но и под землей — тоннелями метро. Такого еще в практике танководения не бывало. Но, увы, Гитлер приказал открыть шлюзы на Шпрее — в тоннели хлынула вода.

В тоннелях женщины, дети,— но что гитлеровцам до собственного обманутого народа! И советские солдаты, рискуя жизнью, спасают женщин и детей, может быть, жен и детей тех, кто стреляет в них фаустпатронами.

Амазасп Хачатурович объясняет истоки великодушия советского человека: мы никогда не ставили знака равенства между фашистскими оккупантами и немецким народом.

Вспоминаю памятник советскому солдату, что стоит в берлинском Трептов-парке,— он замечает:

— Знаешь, сколько я ни убеждал себя, что воин, который там одной рукой держит карающий меч, а другой прижимает к своей груди немецкую девочку,— это символ, обобщенный образ, когда ни приеду в Берлин, всякий раз стою перед этим памятником, и чудится мне в выражении лица гранитного солдата то одно, то другое до боли знакомое и родное лицо моих однополчан. Я собственными глазами видел, как наши солдаты заботливо помогали немецким женщинам переносить детей в безопасное место, как отдавали при этом свой солдатский паек малышам...

¹ Uhlig H. Das Einwirken Hitlers auf Planung und Führung des Ostfeldzuges. «Aus Politik und Zeitgeschichte», 16 März 1960, S. 162.

И описывает трогательную сцену возле нашей походной кухни, специально предназначенной для населения.

Голодный мальчонка протягивает повару кастрюльку. Ему наливают до полна. Но мальчик не отходит. «Чего тебе, хлопчик? — непонимающе спрашивает повар. — Еще налить?» Но у мальчика больше нет посуды. «Фюр мама», — объясняет маленький берлинец, тычет пальцем в свою кастрюльку и убегает. «Значит, еще придет», — соображает повар и по-доброму усмехается в усы.

А рядом идет бой. Гибнут тысячи, сотни тысяч. Гибельс кричит: «Если нам суждено уйти, то пусть тогда весь мир содрогнется!» Каждый метр берлинских улиц дается нашим воинам адским напряжением сил. Но, не жалея себя, бьются они — впереди победа!

И вот вечером 30 апреля над рейхстагом — Знамя Победы! В ночь на 2 мая начался последний штурм центрального сектора Берлина. Затем соединения 1-й гвардейской танковой армии ворвались в Тиргартен, соединились с войсками 2-й гвардейской танковой армии и 1-й армии Войска Польского, принимавшей участие в штурме Берлина.

Берлин капитулировал. А потом был Карлсхорст — свидетель унижения поверженного фашизма: Кейтель здесь подписывал акт о безоговорочной капитуляции. Часы истории пробили начало светлого дня человечества — 9 мая, Дня Победы, которого столько ждали...

Из приказа Верховного Главнокомандующего:

«В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение Берлином, представить к присвоению наименования «Берлинских»...»

Среди них был и 11-й гвардейский танковый корпус. Через несколько дней его командиру А. Х. Бабаджаняну присвоили генеральское звание.

«БЕЗ НАУКИ СОВРЕМЕННУЮ АРМИЮ ПОСТРОИТЬ НЕЛЬЗЯ»

...Дзинь! — со звоном разлетается вдребезги оконное стекло, и прямо на обеденный стол шлепается футбольный мяч. Всплескивает руками хозяйка. Хозяин квартиры отодвигает тарелку, подпоясывается ремнем, одергивает гимнастерку — на петлицах две шпалы,— захватив мяч, выходит во двор. Ребятишки — врассыпную. Один только не убежал. Стоит набычившись, глаз не поднимает.

— Ты что же со всеми не убежал? Не боишься, что я тебе трепку задам?

— Боюсь.

— Так почему же не убежал?

— Убегают только трусы.

— Вот ты какой, оказывается... Ну тогда пойдем поговорим...

Мальчишку звали Миша. Как же давно это было! Теперь его зовут Михаилом Ивановичем, генералом Марютиным. А еще — профессором, доктором технических наук, заслуженным деятелем науки и техники, начальником одной из кафедр Военной академии бронетанковых войск.

А человек с двумя шпалами в петлицах гимнастерки со временем стал носить на погонах самые большие звезды, и называли его уже маршалом Бабаджаняном.

Встречаясь, они всегда вспоминали, как с разбитого стекла их разговор перешел на человеческую смелость и как молодой командир посоветовал юному сорванцу поступать в военное училище, а для этого лучше кончить школу. Вспомнили с улыбкой про разбитое стекло и тогда, когда вновь назначенный начальник Академии бронетанковых войск маршал Бабаджанян, вызывая к себе всех начальни-

ков кафедр, вызвал и М. И. Марютина. Только теперь уже Бабаджанян посоветовал побыстрее докторскую диссертацию защитить.

— Сам понимаешь,— сказал он,— сейчас тебе это не просто совет — почти приказ... Надо научно исследовать опыт войны и уроки, которые она нам преподала. Техника, техника, техника — вот один из очень важных уроков, который мы, танковые командиры, вынесли из войны.

А потом на всех ученых советах, когда рассматривались оперативно-тактические проблемы, неизменно ставил один и тот же вопрос:

— А что по этому поводу думают инженеры?

Поговаривали даже, что инженеры — его любимчики.

Когда это дошло до Бабаджаняна, он удовлетворенно хмыкнул:

— А что? И вправду — любимчики. Как наши «технари» на фронте работали? Прямо в районе сражений организовывали целые ремонтные заводы. А сейчас, сегодня — что мы без них можем, строевики? В наш-то век, век научно-технической революции?.. Каждый командир должен быть достаточно технически грамотен... Ну а инженер, разумеется, должен разбираться в оперативном искусстве. Вот такой должен быть подход...

По указанию начальника академии эта мысль закладывалась в учебные программы и учебные планы всех факультетов.

Назначенный начальником академии, Бабаджанян остался верен себе: как когда-то, пехотинцем, направленный командиром механизированной бригады, он задал себе такую программу «танк-класса», что удивил даже опытных танкистов, так и сейчас он заявил, что шесть месяцев — срок, который он, строевой командир, устанавливает себе, чтобы обстоятельно войти в курс академических дел.

Только когда эти шесть месяцев истекли, новый начальник академии позволил себе войти в состав авторского колллектива (а затем по праву возглавить его), который готовил

фундаментальную монографию «Танки и танковые войска». Книга эта стала одним из ведущих пособий по подготовке офицерских кадров высшей квалификации — она переведена на все языки стран — участниц Варшавского Договора.

Углубившись в научную работу, А. Х. Бабаджанян часто стал публиковать статьи в военно-научных журналах. Ученый совет академии хотел представить его к профессорскому званию. Но председателем совета был сам начальник академии. И — воспротивился. Когда ему говорили, что это ложная скромность, отшучивался: «У меня достаточно высокое звание — маршал, хватит для одного человека...»

Исследования его в области теории использования бронетанковых войск опирались на значительный собственный боевой опыт. В академии помнят одно из первых выступлений маршала Бабаджаняна на научной конференции профессорско-преподавательского состава.

...Маршал решительно подчеркивал необходимость объективной оценки всех достижений, которые имели советские бронетанковые войска в ходе боев с противником, чтобы действительно обогатить советское военное искусство.

— Изучая уроки Победы,— говорил он,— пристало нам, военным, взглянуть и на завершающую операцию войны, Берлинскую, при всей нашей законной гордости, гордости победителей, глазами беспристрастными, как это требует наука. Всякая, особенно военная. Строгая научная объективность заставит нас признать, что если, скажем, в Висло-Одерской операции танки, введенные в так называемый чистый прорыв, с первого же дня получили широкий простор для стремительных действий, что принесло советским войскам победу, а им славу, то в Берлинской операции танковую армию удалось использовать, увы, не лучшим образом. Ее прямолинейный ввод в прорыв, удар в лоб обороны противника, когда она совместно с общевойсковой армией, совместно с пехотой атакует один за другим оборонительные рубежи противника,— все это не соответствует

настоящему предназначению крупных танковых объединений, какими являются танковые армии. Я веду речь не о танках НПП (непосредственной поддержки пехоты) и не о танках отдельных танковых бригад, приданных общевойсковым армиям, которые, как правило, действуют так же, как первые, а о крупных танковых объединениях, предназначенных для развития успеха наступления...

И как бы предвидя возражения, маршал соглашался:

— Да, история Великой Отечественной знает примеры, когда танковые армии использовались не только для развития успеха наступления, но и для отражения ударов противника при проведении наших оборонительных операций. Да, так было летом сорок третьего под Курском, когда танковые армии Центрального и Воронежского фронтов находились во втором эшелоне. В оборонительных боях они измотали, обескровили наступающую ударную группировку врага и тем подготовили условия для нашего контр-наступления.

— Но...— маршал делает небольшую паузу, как бы призывая слушателей обратить особое внимание на поворот своей аргументации,— но Берлинская операция — наступательная. И танковая армия — крупное танковое объединение,— действуя здесь, по существу, как танки непосредственной поддержки пехоты, несла значительные потери. Вспомню только особенно дорогие мне имена: И. В. Гаврилов, П. Е. Лактионов, А. М. Темник, В. А. Жуков, С. Я. Устименко — мой «бог разведки»... Всех разве назовешь... Правда, аргумент для такого применения танкового объединения был. Но единственный. То, что это финальная сцена войны, после которой сразу же должен опуститься занавес — капитуляция врага...

Ему возразили: были и положительные примеры действий танковых армий в первом эшелоне, когда они прорывали вражескую оборону и вышли к предгорьям Восточных Карпат.

— Да, действительно,— отвечал маршал.— Но какая

это была оборона! Разве можно сравнить ее, слабую и неглубокую, с тем, что противник организовал у Берлина?

— Нет,— решительно заключал он,— уроки бывают разные. Берлинская операция — тоже урок, который нам преподала победа... Но своеобразный...

Он много занимался историей бронетанковых сил.

— Западные военные историки,— говорил он,— фетишизировали вклад в теорию применения этого рода войск германского «танкового стратега» Гейнца Гудериана. А между тем он отнюдь не был столь оригинален в своих военно-теоретических концепциях, каким его пытаются представить за рубежом...

И он приводил интересные факты.

Еще в начале тридцатых годов советская военно-теоретическая мысль сосредоточилась на разработке проблем глубокой наступательной операции. Бурно развивались новые технические средства — танки, авиация, артиллерия. Это коренным образом меняло взгляды на характер боя, операции и войны в целом — они представлялись исключительно напряженными, ожесточенными, скоротечными. При таких особенностях большая роль отводилась бронетанковым войскам. Война впоследствии подтвердила справедливость такого подхода советских военных теоретиков.

Это представление разделяли в тридцатые годы военные теоретики и в других странах мира.

— Вот, смотри,— говорит Амазасп Хачатурович,— это австрийский генерал А. Эймансбергер, книга его «Танковая война». Прямо пишет в 1934 году: «Ныне не существует другого боевого средства для атаки, кроме танков, объединенных в оперативном соединении и поддерживаемых сильным военно-воздушным флотом, а также всем другим эффективным оружием».

— Если непредвзято посмотреть,— продолжает А. Х. Бабаджанян,— то придешь к выводу, что в основе теоретических разработок Гудериана, которые изложены

в его книге «Внимание, танки!», лежат взгляды Эймансбергера. Так что «великий стратег» и «выдающийся теоретик», оказывается... Ну да что там... Человек, способный пойти на службу к Гитлеру и при случае стать его фискалом... Что уж тут говорить.

— Но ведь вы отмечали в своих статьях, что теоретические разработки Гудериана в значительной степени определили успехи немецко-фашистских войск и в операциях в Западной Европе в 1939—1940 годах, и в начальный период войны против СССР.

— Да, первоначально успех сопутствовал гудериановским танковым армиям. Но он изменил им, как только немецкие танковые группировки столкнулись с по-настоящему сильной, не сравнимой с тем, что они встречали в западноевропейских странах, глубокоэшелонированной обороной советских войск, например, под Курском, в сорок третьем. И тогда немецко-фашистские танковые армады начали терпеть на советско-германском фронте поражение за поражением.

— Что же помешало Гудериану пересмотреть свои взгляды?

— Шаблон! Раз навсегда выработанный шаблон помешал Гудериану и другим немецким танковым стратегам проявить гибкость, внести в свои представления необходимые изменения.

И с чувством гордости маршал говорит о том, что, напротив, советское военное искусство, творчески используя опыт войны, в ходе самой войны отменяло привычные постулаты и развивало теорию использования такого мощного оружия, как танки, что советская «танковая наука» остается творческой.

— Все для этого делаем. На основе накопленного опыта, конечно...

— Мы подчас воевали «не по правилам» — так о нас Гудериан говорил, возмущался: «гусарские выходки» советских танкистов!.. А были это вовсе не «гусарские выходки»,

а нечто посущественнее: именно творческий подход к теории позволил на практике обнаружить превосходство советского военного искусства еще в Сталинградской операции сорок второго года и сохранить это превосходство до конца войны.

— И еще потому Гудериан и иже с ним не смогли в ходе войны изменить раз навсегда выработанной ими концепции, что в основе их взглядов лежала их идеология. Человек на войне — вот что они недооценивали. Техника — великое дело, но не единственный и не самый главный фактор. Советская военная доктрина опирается на марксистско-ленинское толкование военно-теоретических проблем. Да, необходимо учитывать все факторы экономики — они определяют техническую оснащенность и обеспеченность армии. Но ориентироваться надо прежде всего на человека. Главная сила армии — всегда люди. Это не дано было понять фашистскому полководцу Гудериану, тут уж никакой стратегический талант не мог помочь.

Мемориальная доска на здании Военной ордена Ленина Краснознаменной академии бронетанковых войск гласит: «Здесь с 1967 по 1969 год в должности начальника академии бронетанковых войск работал Герой Советского Союза Главный маршал бронетанковых войск Амазасп Хачатурович Бабаджанян».

Сравнительно недолго возглавлял А. Х. Бабаджанян академию — в 1969 году партия и правительство доверили ему высокий пост начальника танковых войск Советской Армии. Но в академии бережно хранят самую уважительную память о человеке, который не уставал повторять:

— «Без науки современную армию построить нельзя». Кто это сказал? Ленин! Что это значит для академии? А то означает, что здесь не одну только учебную работу следует вести — академия должна стать ведущим научным центром для «танковой науки».

Вклад маршала А. Х. Бабаджаняна в то, что академия БТВ стала таковым, известен в кругах военных специалистов, отмечен партией и правительством.

КОНИ, ТАНКИ И... МОЛОКОВОЗ

Читаю в «Военно-историческом журнале» статью генерала армии А. Л. Гетмана, посвященную 70-летию маршала: «...назначенный в мае 1969 года начальником танковых войск, Амазасп Хачатурович вносит большой вклад в их дальнейшее развитие и укрепление. Он уделяет много внимания подготовке высококвалифицированных командных и инженерно-технических кадров, обучению и воспитанию танкистов, оказывает значительную помощь в развитии бронетанковых войск армиям социалистических государств. Наряду с большой организаторской работой он занимается обобщением опыта минувшей войны».

1969 год... В том же шестьдесят девятом состоялась и первая наша с маршалом беседа. Живо вспоминаются все ее подробности. Спрашиваю у него: кто, по-вашему, самый великий полководец? Отвечает, не колеблясь ни минуты:

— Ленин. Потому что вовремя нам указал, что военная тактика зависит от уровня военной техники. Давно указал, а особенно актуально сегодня.

— Научно-техническая революция?

— Да. Она — и в военном деле: ядерное, ракетное и прочее современное оружие, научно-технический прогресс во всех других видах вооружения потребовали столь же немедленного изменения многих, казавшихся незыблемыми положений стратегии и тактики, диалектического развития военного и политического руководства армией.

— Повышение научного уровня военного руководства?

— Конечно. Это властное требование нашего времени. Партия учит, что война не является фатальной необходи-

мостью. Но требует, чтоб не забывали: еще не исчезли на земле силы, которым война нужна. Значит, она может вспыхнуть. Истине, самой печальной, надо смотреть прямо в лицо.

Зазвонил один из многочисленных телефонов на его рабочем столе, и я воспользовался возможностью внимательно рассмотреть служебный кабинет начальника танковых войск Советской Армии. Мое внимание привлек довольно старомодный чернильный прибор с фигурами скачущих всадников. Маршал перехватил мой взгляд.

— Уговаривали меня хозяйственники нашего министерства не раз этот прибор заменить. Я не дал. Жалко с конями расставаться. Все-таки кавказец я, очень коня люблю. Помнишь, рассказывал тебе про своего начальника, который перед самой войной твердил, что ни на какую машину не променяет живого коня. Война его наказала. И не его одного. Некоторые делали неправильные выводы, основывавшиеся лишь на ограниченном опыте использования танков в Испании... Однако в одном он был прав, комдив-конник, современные танковые войска — потомки красной конницы; и те и другие — для придания бою и операции большего размаха и темпа. Но отработали кони свое в армии, отслужили. Иной «боевой конь» на полях сражений — танк.

— Так было в Великую Отечественную войну...

— Танк остается главной ударной и маневренной силой сухопутных войск. Сегодняшний танк — это не только мощная пушка, пулеметы, сильный двигатель, но и радиостанция, инфракрасные приборы видения и стрельбы в темноте, боеприпасы, снаряжение для маскировки, различное оборудование. Нынешний танк ведет прицельный огонь достаточно эффективно не только с места, но и с ходу. На нем установлено стабилизирующее устройство, обеспечивающее устойчивое положение орудия, даже если танк в этот момент круто нырнул вниз или, наоборот, задрал нос кверху. Танк устойчив к ударной волне, противостоит радиоактивности.

— А новые средства противотанковой борьбы, вертолеты огневой поддержки, например?

— При правильной организации боя, четком взаимодействии со средствами ПВО, хорошо поставленной разведке и наблюдении танки могут вести успешную борьбу и с вертолетами. Конечно, наши конструкторы все время их усовершенствуют...

С конструкторами, танкостроителями у маршала Бабаджаняна были самые тесные связи не только по роду службы. Он пользовался у них большим авторитетом и искренним уважением. Говорили, что к маршалу можно прийти с любым предложением, даже «бредовым» на первый взгляд. Во всем он стремился углядеть рациональное зерно. Ведь действительно, немало самых великих открытий поначалу многим представлялось бредом, ибо неспровергалось самое, казалось, что ни на есть незыблемое, установившееся.

Маршал никогда не жалел времени для встреч с создателями танков, постоянно бывал на заводах, в районах испытаний, в научно-исследовательских институтах, разрабатывающих проблемы, которые интересовали танкостроителей.

Однажды он вызвал к себе сотрудников своего управления.

— Читали?

В руках у маршала — научный журнал академии наук одной из союзных республик. Мало кому из явившихся по вызову журнал этот был знаком — в нем, казалось, не может быть ничего общего с вопросами, которыми занимается управление Бабаджаняна.

— Не читали, — огорченно констатировал маршал. — А жаль. Век нынче какой? На «стыках» наук открытия возникают. А вот они, — он ткнул пальцем в раскрытую страницу, — новое топливо, похоже, открыли для двигателя. Товарищ генерал, — он обратился к одному из присутствовавших, — проштудируйте, доложите. Все свободны!

Когда генерал-майор-инженер, изучив статью, вошел к нему с докладом, он застал маршала разговаривающим по междугородному телефону.

— ...Очень, очень интересную работу ведут ваши ученые. Думаю, надо помочь им специальную лабораторию организовать. Вы поддержите? Очень хорошо...

— С секретарем обкома партии разговаривал. Надо поддержать ученых. А вы как полагаете?

Генерал-инженер «полагал положительно». Только про себя удивился: ну и «нюх» же на новое у этого «строевика», как только все поспекает!

Маршал поспевал — он еще полковником был, когда командарм М. Е. Катуков так охарактеризовал его: «Весь — сгусток энергии...»

Секретарь доложила, что к маршалу на вечер записались на прием как к депутату Верховного Совета его избиратели из Челябинской области.

— Пожалуйста, Евгения Викторовна, узнайте, как они устроены в Москве, как с гостиницей. Помогите от моего имени, если нужно. И незачем им ждать до вечера — пригласите их днем, может быть, дела неотложные.

— Но, Амазасп Хачатурович, вы сегодня так перегружены...

— Депутатские дела — не последние, Евгения Викторовна.

Евгения Викторовна Соловьева и так знает, что депутатские свои дела маршал никогда не откладывает в долгий ящик. Но как ей не пожалеть этого далеко не молодого уже человека, который не привык беречь себя. «Все — людям — так она говорит о нем. — А ведь как занят — маршал!..»

Она рассказывает, что высокое свое звание он всегда как-то старался не замечать, потому сам отвечал на письма, даже письма детей. Она помнит имена двух мальчиков из той области, от которой маршал был депутатом, пожаловавших к нему на свой недуг — полиомиелит, и как маршал немедленно занялся их судьбой — одного устроил в лечебный

Встреча маршала А. Х. Бабаджяна
с избирателями

институт, другого отправил в Евпаторию, а потом переписывался с ними, следил за их судьбой. Детей вообще очень любил, мог подолгу рассказывать о своих внуках — их у него было четыре; «мои любимые женщины» — шутил он.

Письма шли к нему потоком. Особенно от старых однополчан, но совсем много стал он получать их после выхода книги мемуаров — очень многих людей, с кем свела его долгая служба в Советской Армии, он там вспоминал. Писали ему уже и жены, сыновья павших товарищей, боевых друзей.

Собралась целая папка писем о книге мемуаров, пунктуальная Евгения Викторовна пометила ее «Переписка по книге «Дороги Победы». Хранится в ней и трогательное письмо девочки Арфеник Мурадян из селения Бист Орду-

Принят в почетные пионеры

бадского района Нахичеванской АССР с аккуратно прикрепленной копией ответного письма маршала.

«Главный маршал бронетанковых войск Бабаджанян» — так подписано это письмо. Он умел разговаривать с детьми на равных. Это ли не характеристика натур незаурядных!

Евгения Викторовна очень давно работает в Министерстве обороны, была секретарем у маршалов бронетанковых войск Я. Н. Федоренко, П. С. Рыбалко, С. И. Богданова, П. П. Полубоярова... Она достаточно хорошо знает, как нелегка должность ее начальника, как человеку на этой должности приходится «выкладываться».

31 октября 1977 года он позвонил ей из госпиталя, куда за неделю до этого был доставлен с тяжелым сердечным приступом:

— Ай-яй-яй, Евгения Викторовна, вы меня совсем забыли!

— Грешно вам такое говорить, Амазасп Хачатурович, я ведь у вас была в четверг, вы меня с делами вызывали в госпиталь, сегодня только понедельник, а вы так серьезно больны.

— Я, Евгения Викторовна, молодой и здоровый. А сюда угодил по ошибке. Жду вас завтра утром. В гости. С делами.

— Но, Амазасп Хачатурович, вам врачи...

— Товарищ Соловьева!

...Евгения Викторовна не успела к нему приехать. Он умер в половине четвертого ночи.

Когда мне сообщили о его смерти, я не смог этому поверить. Почему-то вспомнился в свое время озадачивший Бабаджаняна вопрос Г. К. Жукова перед Висло-Одерской операцией о двух категориях полководцев: одни мечтают умереть в своей постели, другие предпочитают смерть на поле брани, за кого он, Бабаджанян, и ответ, что он, разумеется, за вторых.

Но потом я понял, что умер маршал, в сущности, на боевом посту. Пост его и в мирное время был полем сражения. Сражения за то, чтоб не было сражений. Он действительно окончил жизнь, что называется, на посту. Еще вчера требовал к себе в госпитальную палату начальников отделов своего управления. А перед самой болезнью принимал у себя в кабинете женщину — председателя колхоза из области, от которой был депутатом, — «выбивал» для этого колхоза недостающие сельхозагрегаты. И делал все со свойственной ему энергией, проволочек не терпел.

Председательница сетовала на «Сельхозтехнику», которая из-за отсутствия для этого колхоза особых фондов отказывала в молоковозе, а он был колхозу так необходим.

— Эх, — сокрушался Бабаджанян, — какая жалость: в моем «хозяйстве» танк найдется, бронетранспортер най-

Бывший помощник
начальника политотдела
11-го гвардейского корпуса
по комсомолу П. Г. Спирин
и А. Х. Бабаджанян

дется, молоковоза — не найдется. Если б нашелся, ей-богу, не пожалел бы — поделился.

Председательница огорчилась:

— Хоть плачь!..

Маршал потянулся к телефону:

— Полковника Марютина. Миша, здравствуй. Ты не забыл еще, что на Кавказе родился? Не забыл, хорошо. У меня тут женщина в кабинете готова расплакаться. Нет, срочно приезжать не надо. Молоковоз надо достать. Не понимаешь? Сейчас поймешь. Ты шефскую работу для «Сельхозтехники» выполняешь еще? Перегружен, не успеваешь?

Надо успеть, Миша. Колхозу в Челябинской области позарез нужен молоковоз. Лично прошу: помоги, тебе эта «Сельхозтехника» не откажет. Нет, я трубку класть не буду, ты сейчас же звони — по другому телефону, а по этому — мне результат доложи. Жду.

Затяжек он не терпел. Молоковоз в тот же день был выписан колхозу. Там его впоследствии «маршалским» называли...

«На всех постах, которые ему поручала партия, А. Х. Бабджанян проявил себя умелым организатором, требовательным и чутким военачальником, отдававшим свой богатый опыт делу дальнейшего повышения мощи Советских Вооруженных Сил, его отличали принципиальность и скромность, душевная щедрость и внимание к людям,— говорится в некрологе, подписанном руководителями партии и правительства, крупными военачальниками.— Он активно участвовал в общественно-политической жизни страны, избирался депутатом Верховного Совета СССР, Верховных Советов РСФСР и Армянской ССР, членом ЦК КП Украины, был делегатом ряда партийных съездов».

ТАКАЯ СЛУЖБА

За несколько дней до кончины маршала я отправился навестить его в госпиталь. Пропуск мне выписали с трудом, я очень просил, дал клятвенное обещание побыстрее уйти, не затевать никаких серьезных разговоров.

Но разговор все-таки вышел серьезный, остановить маршала я не смог. Дело было в том, что я принес ему почитать переведенную с английского книгу американского генерала О. Брэдли.

— Прости мне солдатский каламбур,— сказал маршал.— Бред у Брэдли. Читал уже... Ну-ка, прочитай вслух название.

— «Записки солдата».

— Ничего тебе не напоминает?

— «Воспоминания солдата»? Гудериана? Которому вы всегда оппонировали?

— Да. И перекличка — не только в названиях. Еще в идеях. Слово «солдат» оба все употребляют. Солдатская, воинская, народная масса для них для обоих — ничто по сравнению со «сверхчеловеком» — генералом.

— И народ — ничто.

— А между тем,— произносит маршал,— только при активном участии всего народа можно осуществить гигантские работы по подготовке страны к отражению агрессии, по реализации во время войны морально-политических и военных возможностей. Ведь война неизбежно вовлекла бы в свою орбиту колоссальные человеческие массы. Ты представляешь себе, что такое взрыв одной ядерной бомбы? Это разрушение целых городов, возникновение зон радио-

активного заражения. На десятки тысяч квадратных километров!

— Значит, к полководцу, военачальнику, командиру предъявляются нынче особые требования?

— У империалистических агрессоров огромные запасы ядерного оружия и средств его доставки к цели. Для этих средств, по существу, нет расстояний. Все это требует органов управления вооруженными силами.— Бабаджян делает ударение на слове «органов».— Куда уж тут одному человеку, пусть самому выдающемуся!

— Еще в первую мировую войну появилось выражение «интегральный полководец».

Маршал отвечает категорически:

— Военное руководство может осуществляться лишь коллективным органом.

Пробую настаивать:

— А что же, в возможной ядерной войне роль полководца — выдающейся личности — снимется с повестки дня?

— Нет. Личности, стоящие у руководства вооруженной борьбой, могут так организовать дело, чтобы избежать лишних жертв в борьбе с врагом. А могут своими неразумными действиями, ошибками нанести большой ущерб, привести к неудачам, даже поражениям.

— Народ выдвигает талантливых людей всюду, в том числе и в военной области.

— Однако недостаточно занимать крупный военный пост,— останавливает меня Бабаджян,— чтобы считаться полководцем. Это не звание и не должность. Это такой военачальник, который, во-первых, владеет искусством подготовки и осуществления стратегических операций, во-вторых, умеет творчески использовать опыт боевых действий для дальнейшего развития военного искусства.

— Искусство побеждать?

— Такая уж наша служба,— заключает маршал.— Лучшее бы не было войны, но спуску давать мы не обучены...

Как же становятся маршалами в наше мирное время?

Наверное, невозможно обстоятельно ответить на этот вопрос, не касаясь проблем обороны, которые составляют государственную тайну. Но, может быть, хоть в какой-то мере представить это поможет наш рассказ о советском военачальнике высшего ранга, внесшем весомый вклад в победу народа в Великой Отечественной войне, а потом аналитически изучавшем уроки Победы, чтобы достойно отразить любые притязания противников мира.

* *
*

Стою на московской площади Маршала Бабаджяна. С проспекта Маршала Жукова в нее непрерывным потоком вливается лавина автомашин, троллейбусов, грузовиков, на мосту Окружной дороги — железный лязг поездов. Площадь дышит, площадь живет...

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛОЩАДЬ МАРШАЛА БАБАД- ЖАНИЯ	3
НАУКА ПОНИМАТЬ ЧЕЛО- ВЕКА	7
ДАР ОДНОПОЛЧАНИНА	27
«ВНИМАНИЕ, ТАНКИ!»	33
«КРИТИЧЕСКИ ОСМЫСЛИ — ВОЗЬМИ НА ВООРУЖЕНИЕ»	43
НАЧАЛЬНИК ГАРНИЗОНА . . .	53
«НЕТ, ПОБЕДИТЕЛЕЙ СУДЯТ»	59
ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ГЕРОЯ . . .	64
«НОНСЕНС, ГОСПОДИН ГЕНЕ- РАЛ!»	76
РАДИОГРАММА МАРШАЛА ЖУКОВА	82
БУТЫЛКА МОРСКОЙ ВОДЫ . .	93
11-МУ — НА РЕЙХСКАНЦЕ- ЛЯРИЮ!	102
«БЕЗ НАУКИ СОВРЕМЕННУЮ АРМИЮ ПОСТРОИТЬ НЕЛЬ- ЗЯ»	109
КОНИ, ТАНКИ И... МОЛОКО- ВОЗ	116
ТАКАЯ СЛУЖБА	125

ИБ № 2381

Сдано в набор 19.05.83. Подписано в печать 31.08.83. А00472. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Условн. печ. л. 5,60. Условн. кр.-отт. 6,13. Учетно-изд. л. 5,91. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 3455. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Яков Григорьевич Садовский

ТАКАЯ СЛУЖБА — ПОБЕЖДАТЬ

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. И. Стебакова*
Младший редактор *Т. А. Царева*
Фотографии *А. Г. Ходова*
Художник *А. А. Брантман*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *И. А. Золотарева*

Через Шпрее.
Танки форсируют реку

20 коп.

ПОЛИТИЗДАТ

В серии «Герои Советской Родины» выходят книги о профессиональных революционерах, старых большевиках — соратниках В. И. Ленина, героях гражданской и Великой Отечественной войн, а также о героях труда — рабочих, колхозниках, ученых. Авторы книг — писатели и журналисты — живо и увлекательно рассказывают о людях и событиях. Книги этой серии рассчитаны на широкий круг читателей.

**ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ**